

на грани:
роман-исповедь

УЭНДИ УОКЕР



18+

Я ВСЕ ПОМНЮ

*Дженни, ты хочешь вспомнить, что случилось
с тобой той ночью в лесу?*

На грани: роман-исповедь

Уэнди Уокер
Я все помню

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уокер У.

Я все помню / У. Уокер — «АСТ», 2016 — (На грани:
роман-исповедь)

ISBN 978-5-17-093337-2

После жестокого изнасилования пятнадцатилетняя Дженни Крамер подвергается экспериментальному лечению, которое должно стереть из ее памяти болезненные воспоминания о произошедшем. Но избавит ли это девочку от страданий? Станет ли когда-нибудь жизнь Дженни и ее родителей такой, как прежде, или же боль, даже спрятанная глубоко в душе, навсегда отравит их существование? И как найти виновного, если ничего о нем не помнишь?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-093337-2

© Уокер У., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	29
Глава шестая	35
Глава седьмая	39
Глава восьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Уэнди Уокер Я все помню

«ALL IS NOT FORGOTTEN» by Wendy Walker

Печатается с разрешения Midlife Productions II, Inc. и литературных агентств Wendy Sherman Associates, Inc. и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Copyright © 2016 by Wendy Walker

© Липка В. М., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Посвящается Энди, Бену и Кристоферу

Глава первая

Он пошел за ней в лес за домом. Почва там была усеяна зимним сором — листьями и веточками, которые опали с деревьев в последние полгода и теперь гнили под снежным покрывалом. Она, вероятно, слышала его приближающиеся шаги. Скорее всего, даже обернулась и увидела на его лице шерстяную маску, волокна которой потом нашли у нее под ногтями. А когда упала на колени, останки ломких веточек хрустнули, будто старые кости, и ободрали ее обнаженную кожу. Он с силой придавил ее лицо и грудь к земле, по всей видимости, тыльной стороной предплечья; вероятно, на нее упали капельки воды из дождевальной установки, орошавшей лужайку в каких-то двадцати футах в стороне. Когда ее нашли, волосы у нее были влажные.

Ребенком, дома, она охотилась за струями поливальной машины, пытаясь поймать их знойным летним днем или весело уворачиваясь прохладным весенним вечером. В такие моменты ее маленький братишка, щеголяя нагишом, гонялся за ней, выпятив живот и молотя в воздухе ручонками, еще не способными двигаться в такт с маленькими ножками. Иногда к ним присоединялся и пес — он лаял так оглушительно и неутомимо, что полностью перекрывал их смех. Акр зеленой, влажной, скользкой травы. Широкий небесный простор с пушистыми облаками. Мать наблюдала за ними в окно и высматривала отца, возвращавшегося домой с работы, запах которой прочно въелся в его костюм — дешевый кофе из салона по продаже автомобилей, новая кожа и резиновые покрышки. Теперь эти воспоминания причиняли боль, хотя она тут же обратилась к ним, когда ее спросили о струях воды и о том, били ли они в тот момент, когда она бежала через лужайку в лес.

Он насиловал ее около часа. То, что они узнали о продолжительности преступления, казалось невозможным. Данные о степени сворачивания крови в местах проникновения, состояние кровоподтеков на спине, руках и шее, когда он заставлял ее изменить позу. В течение этого часа вечеринка продолжалась как ни в чем не бывало. С места, где он повалил ее на землю, она видела лившийся из окон яркий свет, то угасавший, то вспыхивавший, когда тела перемещались из комнаты в комнату. Вечеринку устроили на славу, позвав не только почти весь десятый класс, но и ребят из девятого и одиннадцатого. Фейрвью Хай Скул, даже для пригорода Коннектикута, по всем стандартам была школой маленькой, и деление на классы, существовавшее в других учебных заведениях, в ней ощущалось не так строго. В спортивных состязаниях, других соревнованиях и концертах принимали участие все — и кто постарше, и кто помладше. Иногда грань и вовсе стиралась, и ребята, наиболее способные к математике или к иностранным языкам, присоединялись к тем, кто пошел в школу на год раньше их. Дженни Крамер никогда не стремилась совершить подобный прыжок через класс, но при этом считала себя сообразительной и наделенной живейшим чувством юмора. К тому же она была прекрасной спортсменкой — плавание, хоккей на траве, теннис. Но при этом совершенно не задумывалась о явлениях, которые так важны для растущего подросткового организма.

Тот вечер обещал стать лучше любого другого. Я думаю, она даже сказала себе: «Это будет самый замечательный момент в моей жизни». После долгих лет пребывания в состоянии «подросткового кокона», как я его называю, она наконец почувствовала, что природа взяла свое. Жесткие брекеты на зубах, детский жирок, упорно не желавший уходить, груди, слишком маленькие для бюстгалтера, но все же предательски торчавшие из-под футболок, угри и непокорные волосы наконец остались в прошлом. Она была «сорванцом», другом и доверенным лицом мальчишек, неизменно интересовавшихся другими девочками. Но никогда ею. Это ее собственные слова, не мои, хотя мне кажется, что для пятнадцатилетнего подростка она описала все довольно точно. Дженни на удивление хорошо знала все свои

слабые и сильные стороны. Несмотря на все, что ей, как и всем остальным, вдалбливали в голову родители и учителя, она, подобно большинству своих сверстниц, твердо верила, что для девушки из Фейрвью важнейшим достоинством всегда остается красота. И обладать ею, в конечном счете, было примерно то же самое, что выиграть в лотерею.

Там был тот парень, Дуг Хастингс. Он пригласил ее на вечеринку в понедельник, в школьном коридоре, между уроками химии и европейской истории. Для девушки это приглашение стало чем-то особенным, она запомнила и что в тот момент на нем было, и выражение его лица, и то, что он немного нервничал, хотя и пытался выглядеть безразличным. Всю неделю она только и думала о том, что надеть и какую сделать прическу, а когда в воскресенье утром вышла из дома с матерью, стала прикидывать, лаком какого цвета накрашивать ногти. Меня это немного удивило. Исходя из сведений о Дуге Хастингсе, имеющихсся в моем распоряжении, я от него не в восторге. И полагаю, что в качестве родителя вполне имею право на подобное мнение. Да, ситуация в его семье вызывала чувство сострадания – тяжелый на руку отец и безвольная мать, жалкая в своих попытках окружить его своей заботой. Но то, что Дженни не сумела его разглядеть, в некоторой степени меня разочаровывает.

На вечеринке было все, чего только можно пожелать. Родители уехали, и ребята, возмнив себя взрослыми, стали смешивать коктейли в фужерах для мартини, а из хрустальных бокалов пить пиво. Дженни увидела Дуга. Но он был не один.

Музыка орала во всю мощь, и она слышала ее с того места, где ее насиловали. Сплошные мегахиты, которые девушка, по ее словам, хорошо знала и слова которых намертво врезаются в память. Но даже сквозь музыку и приглушенный хохот, доносившийся из окон, она слышала другие звуки, звучавшие намного ближе – извращенный хрип насильника и свои собственные сдавленные крики.

Когда он закончил и растворился в темноте, она подняла голову. Должно быть, почувствовала дуновение ветра на щеке и осознала, что кожа в этом месте влажная. Некоторые веточки прилипли к лицу, будто ее ткнули в клей, только-только начавший высыхать.

Она оперлась на руку и, видимо, услышала какой-то звук.

Кое-как сумев сесть прямо, девушка попыталась стереть грязь и провела по щеке тыльной стороной ладони. Остатки сухих листьев упали на землю. В этот момент она, вероятно, увидела, что ее юбка задралась, обнажив промежность. Опираясь уже на две руки, она, скорее всего, проползла некоторое расстояние, желая подобрать нижнее белье. Когда ее нашли, она сжимала его в руке.

Звук, по-видимому, нарастал, потому что его наконец услышали парень с девушкой, искавшие уединения неподалеку во дворе. Когда она вновь поползла к лужайке, веточки на земле под весом ее ладоней и коленок стали сухо потрескивать. Я очень хорошо представляю себе, как она ползла, пошатываясь, будто пьяная, как от шока время для нее будто остановилось и как потом наконец она села и попыталась оценить нанесенный ей ущерб, глядя на разорванные трусики и чувствуя обнаженными ягодицами землю.

Трусики были разодраны настолько, что носить их уже было нельзя. Она вся была забрызгана грязью и кровью. Услышанный ею звук нарастал, и она спросила себя, сколько времени провела в лесу.

Вновь встав на четвереньки, девушка поползла дальше. Но с каждым метром, который она преодолевала, звук становился все громче и громче. Должно быть, ей отчаянно хотелось от него убежать, добраться до мягкой травы, покрытой чистой росой, оказаться на той самой лужайке, по которой она шла в лес.

Девушка проползла еще пару футов, опять остановилась и, по-видимому, только в тот момент осознала, что этот звук, тревожный стон, раздается у нее в голове и срывается с ее собственных уст. Усталость затопила все ее естество, ноги и колени под ней подогнулись и она рухнула на землю.

Она рассказывала, что всегда считала себя сильной девочкой, спортсменкой, наделенной огромной волей. Сильной телом и духом. Отец внушал ей это с самого детства, когда она была совсем еще крохотулей. *Стань сильной телом и духом, и тогда жизнь твоя будет прекрасной.* Может, она велела себе подняться. Может, приказывала рукам и ногам двигаться, но здесь воля ее была бессильна, конечности отказались ей повиноваться, и обессиленная девушка, вместо того чтобы вернуться в дом, свернулась в позе зародыша на грязной земле.

По щекам катились слезы, голос вторил им этим жутким воем, который она наконец услышала – услышала и обрела в этом спасение. С той ночи она без устали спрашивала себя, почему ни одна клеточка ее естества, ни мышцы, ни разум, ни воля, не смогли положить конец происходящему. Ей не удавалось вспомнить, пыталась ли она бороться с насильником, кричала ли, звала ли на помощь или же просто сдалась и пустила все на самотек. Пока все не закончилось, ее никто не слышал. По ее словам, теперь она знает, что после каждого сражения всегда есть победитель и побежденный, триумфатор и его жертва, и что ей, в конечном счете, пришлось признать правду – она потерпела полное и безвозвратное поражение.

Впервые услышав историю изнасилования Дженни Крамер, я не мог сказать, что в ней правда, а что нет. Она была воссоздана на основе собранных улик, свидетельств очевидцев, криминально-психологических характеристик и разрозненных, обрывочных сведений, которые смогла предоставить память Дженни после проведенного лечения. Врачи говорят, что оно произвело поистине магический эффект, вытравив из человеческого мозга самую чудовищную травму, хотя на самом деле в нем не было ничего волшебного, как и в науке, которая занимается подобными вопросами – она тоже не особо впечатляет.

Но это я объясню позже. А вот сейчас, в самом начале нашей истории, мне хочется сказать, что никакого чуда для этой прекрасной юной девушки не произошло. То, что с корнем вырвали из ее головы, продолжало жить в теле, в душе, и я чувствовал, что просто обязан вернуть ей отнятое. Вам это может показаться очень странным, парадоксальным и опасным.

Фейрвью, как я уже говорил, городок маленький. Я видел фотографии Дженни Крамер в местной газете, на объявлениях о школьных спектаклях и турнирах по теннису, вывешенных в витрине «Джайна'з Дели» на улице Ист-Мейн. Узнавал ее, когда она гуляла, когда выходила с друзьями из кинотеатра и появлялась на концертах в школе, в которую ходили и мои собственные дети. Ее окружала аура невинности, идущая вразрез со взрослостью, к которой она так стремилась. Даже в коротеньких юбочках и футболках до пупка, которые сейчас в большой моде, она была девочкой, но никак не женщиной. Глядя на нее, я думал, что в этом мире не все так плохо. С моей стороны было бы нечестно утверждать, что подобные чувства я питал ко всем подросткам, которые, как порой кажется, лишили нашу жизнь порядка, будто стая саранчи. Засевшим в своих телефонах, не проявляющим интереса ни к чему, кроме сплетен о знаменитостях да сиюминутных, мимолетных удовольствий в виде клипов, музыки и саморекламы во всевозможных «Твиттерах», «Инстаграмах» и «Снэпчатах». По своей природе подростки себялюбивы и эгоистичны. Мышление у них незрелое. Но некоторые из них, похоже, в переходном возрасте остаются милыми и приятными, резко выделяясь на общем фоне. Когда вы здороваетесь с ними, они заглядывают вам в глаза, вежливо улыбаются, пропускают вперед только потому, что вы старше, и понимают, какую роль играет уважение в развитом обществе. К таковым принадлежала и Дженни.

От потерянного вида этой девочки, в душе которой когда-то клокотали энергия и радость, я злился на все человечество. Зная, что случилось в том лесу, я с трудом сдерживался, чтобы мысленно не перенестись туда. Ужасы и насилие, в том числе сексуальное, притягивают каждого из нас. Мы притворяемся, что это не так, но подобные склонности заложены в нас самой природой. Когда на обочине дороги стоит «скорая», водители притормаживают и ползут как черепахи, чтобы бросить взгляд на израненное тело. Что еще не делает нас воплощением зла.

Тело этого замечательного ребенка осквернили, над ним надругались. Лишили целомудрия и сломали дух. В моих устах это звучит как-то театрально. Напоминает заезженные штампы. Но этот человек вторгся в ее естество с такой силой, что потребовалось хирургическое вмешательство. Это надо учесть. Как и то, что он покусился на девочку, по всей видимости, надеясь, что она девственна. Так что он раздавил не только ее тело, но и невинность. Не забудем также о физической боли, которую она испытывала, когда он рвал в клочья самые сокровенные участки ее плоти. А заодно примем во внимание и то, что он искромсал за тот час, когда истязал ее, когда вновь и вновь вторгался в нее, при этом, не исключено, глядя в глаза. Что выражало ее лицо, доставляя ему радость? Удивление, страх, ужас, агонию, безропотность и, наконец, полнейшую апатию – когда она отключилась от происходящего. Все эти чувства были частичками ее мира, которые монстр отнял и сожрал. Как и мечты о первых объятиях с любимым, об историях пылкой любви, когда-то витавших у нее в голове и заставлявших улыбаться при одной мысли о том, что ее обожают больше всех на свете, ведь даже после проведенного лечения она все равно помнила о том, что произошло. И что ей осталось, этой девочке, превращающейся в женщину? Ведь то самое сокровенное, чем живет человеческое сердце на протяжении всей жизни, для нее было утрачено.

Она помнила резкий запах, хотя и не могла его точно определить. Она помнила песню, хотя та, вероятно, звучала не раз. Помнила события, заставившие ее выйти на улицу через черный ход, пересечь лужайку и углубиться в заросли. Воспоминания о дождевальном установке в памяти не сохранились и вошли в ее рассказ только после того, как история была тщательно воссоздана. Эта установка, управляемая таймером, включалась в девять и выключалась в десять. Двое вышедших на задний двор влюбленных, которые ее нашли, сказали, что трава была мокрой, но в воздухе влаги уже не ощущалось. Значит, ее изнасиловали незадолго до окончания полива.

Дуг в тот момент был с другой девушкой, на несколько лет моложе его, которая использовала его, чтобы вызвать ревность у мальчика постарше. Вряд ли нам стоит тратить силы на объяснение бессодержательной мотивации этой странной особы. Для Дженни была важна лишь неделя фантазий, в которые она вложила все свои девичьи чаяния, но которые в мгновение ока развеялись как дым. Вполне предсказуемо, она попыталась утопить горе в спиртном. Ее лучшая подруга Вайолет вспоминала, что Дженни стала пить водку, но уже через час ее стошнило в ванной комнате. Кое-кому от этого стало весело, но ее подобное поведение лишь еще больше унизило. По всей видимости, для этой вечеринки с самого начала сочинили сценарий «шоу с участием убогой» из числа тех, что в последнее время буквально сводят всех с ума. Хотя то, что произошло потом, когда она убежала в лес, чтобы поплакать, в него не входило.

Я злился. Но просить за это прощения не собираюсь. Требовал, чтобы того, кто это сделал, постигло заслуженное наказание. Но с провалами в памяти, без надежных юридических доказательств, не ограничивающихся исключительно волокнами шерсти под ногтями девушки, потому как это чудовище приняло меры предосторожности, о правосудии речь больше не шла. Фейрвью городок маленький. Да, знаю, это я уже говорил. Но вы должны понимать, что чужак не поедет сюда специально, чтобы совершить злодеяние. Когда по нашему крохотному центру идет незнакомый человек, все тут же поворачивают в его сторону голову. Не потому, что в чем-то его подозревают, а так, из любопытства – обращаю на это ваше внимание. Кто это? Чей-нибудь родственник? Или, может, новый житель города, приехавший невесть откуда? На праздники и соревнования, на торжества, спортивные состязания и ярмарки к нам приезжают гости. Прибывают из других городов, и мы всегда им рады. В массе своей мы люди дружелюбные и доверчивые. Но в обычную субботу или воскресенье чужаки неизменно привлекают к себе внимание.

Из всего этого напрашивается вполне очевидный вывод: если бы Дженни не подвергли лечению и оставили нетронутой ее память, она вполне могла бы его узнать. Волокна под ногтями ясно указывают на то, что она схватилась за маску. Может, сорвала ее, может, просто приподняла достаточно, чтобы увидеть лицо. Возможно, услышала голос. Или он весь час, когда насиловал ее, молчал как рыба? Маловероятно, правда? Она могла бы сказать, какого он роста, худой или упитанный. Может, у него были старые, морщинистые руки или же кожа на них, наоборот, была молодой и гладкой. Может, она видела у него кольцо, золотую цепочку или эмблему какого-нибудь спортивного клуба. Или заметила, во что он обулся, когда шел на преступление, – в кроссовки, мокасины или грубые ботинки военного образца? Какие они были – поношенные, начищенные, лаковые? Смогла бы она его узнать, стоя у палатки с мороженым, в кофейне или в очереди в школьную столовую? Или, может, почувствовала бы его нутром? Час – достаточно большой промежуток времени для того, чтобы узнать чужое тело.

Не исключено, что желать Дженни Крамер чего-то подобного было бесчеловечно. Упорствуя в своем желании, я, вероятно, проявлял по отношению к ней жестокость. Позже вы увидите, что это привело к весьма неожиданным последствиям. Но несправедливость произошедшего, гнев, который я от этого испытывал в душе, склонность переносить на себя ее страдания – все это заставило меня упорно идти к поставленной цели. И вновь погрузило Дженни Крамер в самый жуткий кошмар.

Глава вторая

Родителей Дженни вызвали на десять тридцать. В тот вечер их пригласили к себе на ужин друзья по загородному клубу. Шарлотта Крамер, мать Дженни, была этим недовольна и злилась, когда они ехали на машине через город. Говорила, что лучше было поужинать в клубе – по словам ее мужа Тома, ей нравилась царившая там атмосфера общения. Коктейли всегда подавали в большой гостиной и независимо от того, в какой компании вы планировали провести вечер, всегда был шанс поговорить с кем-то еще.

Том это заведение недолюбливал и посещал его только для того, чтобы в воскресенье сыграть традиционную партию в гольф со старым приятелем по колледжу и отцами двух участников школьной команды по легкой атлетике, в которую входила и Дженни. Шарлотта, в отличие от него, была очень компанейской и прилагала массу усилий для того, чтобы в следующем сезоне войти в комитет распорядителей фондов клуба. Поэтому каждую субботу, проведенную вне его стен, воспринимала как утраченную возможность. Это был один из многих поводов для разногласий в их семье, поэтому после традиционного обмена комментариями и замечаниями непродолжительная поездка на автомобиле закончилась гробовым молчанием и взаимным раздражением.

Они вспомнили об этом позже. Какими же мелкими показались им те проблемы после бесчеловечного изнасилования дочери!

Одна из прелестей маленького городка заключается в том, что люди на ходу меняют правила, если считают это уместным. Призрак страха перед необоснованным порицанием и даже осуждением здесь не нависает такой мрачной тучей, как в городах покрупнее. Поэтому детектив Парсонс, позвонив Крамерам, не сообщил им, что случилось, а сказал лишь, что Дженни, напившуюся на вечеринке, отвезли в больницу. И тут же успокоил их, сказав, что жизни девушки ничто не угрожает. Том потом был благодарен за то, что их избавили от мучительной агонии в течение тех нескольких минут, когда они ехали после ужина в больницу. После того, как они узнали о несчастье, каждая минута для отца Дженни превратилась в невыносимую муку.

Шарлотта, в отличие от него, не испытывала в душе такой благодарности и после всех недомолвок разозлилась на нерадение дочери. О случившемся тут же узнает весь город! Что подумают об их семье?! По дороге в больницу они обсуждали, как наказать Дженни – посадить ее под домашний арест или же отнять телефон. Когда они узнали правду, в душе Шарлотты, как водится, пробудилось чувство вины, в результате тот факт, что им с самого начала не сказали всего, вызвал в ее душе бурю негодования. Но это вполне объяснимо, особенно когда человеку сначала дают повод злиться на ребенка, а потом вдруг сообщают, что он стал жертвой столь чудовищной агрессии. Но в этом деле я, скорее, отождествлял себя с Томом. Может, потому что и сам являюсь отцом, а не матерью.

Когда они приехали, в холле никого не было. В последние несколько лет в больнице на собранные средства велся ремонт, и его результаты, в глазах многих не столько основательные, сколько косметические, были налицо. Деревянные панели на стенах, новый ковер, мягкий свет и классическая музыка, лившаяся из скромно висевших по углам беспроводных динамиков. Шарлотта тут же «гневно ринулась» (по выражению Тома) к дежурной медсестре. Том тоже подошел и встал рядом. Затем закрыл глаза и подождал, пока музыка не утихомирила бушующую кровь. Он боялся, что Шарлотта поведет себя слишком грубо, и поэтому хотел немного ее урезонить. Дженни нуждалась в сне и отдыхе, ей обязательно нужно было знать, что папа с мамой ее по-прежнему любят и что с ней все будет в порядке. Последствия подождут до тех пор, пока они оба не протрезвеют и в головах у них не прояснится.

Крамеры прекрасно знали свои роли в семье. Приучать дочь к дисциплине было делом Шарлотты. Что же касается их сына, то здесь амплуа менялись местами в силу как возраста, так и пола. Том описывал подобную схему как нечто совершенно обычное – так должно быть, на сходных принципах строится каждая семья. И теоретически был прав. Человеку всегда приходится играть ту или иную роль, рушить одни союзы и создавать другие, прикидываться то хорошим полицейским, то плохим. Однако в случае с Крамерами все естественные приливы и отливы отступали перед требованиями Шарлотты, в то время как остальным доставалось лишь то, что она не объявляла сферой своих исключительных интересов. Иными словами, «нормальность», которую Том так старательно приписывал их семье, на самом деле была абсолютно ненормальной и напрочь лишенной состоятельности.

Открывая дверь, ведущую в палаты, медсестра сочувственно им улыбнулась. Крамеры ее не знали, но то же самое относилось почти ко всему младшему персоналу больницы. Низкооплачиваемые медицинские работники редко жили в Фейрвью и по большей части приезжали на работу из соседнего Крэнстона. Ее улыбка Тому запомнилась. Она стала первым намеком на то, что с дочерью произошло несчастье пострашнее, чем их до этого уверяли. Люди склонны недооценивать скрытые послы в мимолетных выражениях лица. Ну подумайте о том, как бы вы улыбались другу, чей несовершеннолетний ребенок напился в стельку. Сочувствие, которое сквозило бы в вашей мимике, имело бы скорее комичный характер. «С подростками так тяжело, порой они бывают просто невыносимы. Достаточно вспомнить, какие мы сами были в этом возрасте!» – говорила бы она. А теперь поразмыслите о том, как бы вы улыбались, если бы подросток подвергся жестокой агрессии. Все ваше естество наверняка говорило бы: «Боже праведный! Я так вам сочувствую! Бедная девочка!» Это присутствовало бы в глазах, в пожимании плечами, в изгибе губ. Увидев улыбку медсестры, Том тут же забыл о жене, которую до этого все пытался утихомирить, и захотел немедленно увидеть дочь.

Миновав череду бронированных дверей, они оказались в приемном покое и подошли к другой круглой стойке с компьютерами, где медсестры вели документацию. Там их встретила другая женщина и другая встревоженная улыбка. Она сняла телефонную трубку и позвонила доктору.

Вполне могу себе представить их в тот момент. Шарлотта в бежевом платье для коктейлей с волосами, аккуратно заколотыми шпильками в пучок, и сложенными на груди руками, рисуется и злится. Как на Дженни, так и на персонал, который, по ее мнению, осуждает дочь и перемиывает ей кости. И Том, на полфута выше жены, переминается с ноги на ногу, засунув руки в карманы брюк цвета хаки, все больше и больше нервничает по мере того, как его инстинкты льют воду на мельницу проносящихся в голове мимолетных мыслей. Потом они оба сойдутся во мнении, что те несколько минут, когда они ждали врача, показались им долгими часами.

Будучи женщиной восприимчивой и ранимой, Шарлотта сразу засекала трех полицейских, потягивавших в углу кофе из бумажных стаканчиков. Они говорили с медсестрой, повернувшись к Крамерам спиной. Потом сестра увидела Шарлотту, послышался шепот, они повернулись и взглянули на нее. Том смотрел в другую сторону, но и от него не ускользнуло повышенное внимание, которое они к себе привлекали.

Ни один из них впоследствии не помнил, какие конкретно слова произнес врач. Шарлотта наверняка быстро констатировала, что они знакомы – дочь доктора училась в той же начальной школе, что и Лукас, только на класс младше, поэтому теперь ее все больше и больше волновала запятнанная репутация Дженни и то, как случившееся отразится на их сыне. Доктор Роберт Бейрд. Под сорок. Тучный, с жидкими светло-каштановыми волосами и добрыми голубыми глазами, сужавшимися в щелочки когда он произносил определенные

слова, от которых щеки его поднимались вверх. И Шарлотте, и Тому запомнились какие-то обрывки фраз, когда он стал говорить о травмах.

Внешние повреждения промежности и ануса... разрывы тканей в области влагалища и прямой кишки... кровоподтеки на шее и спине... хирургическое вмешательство... швы... улучшение состояния.

Слова вылетали из его рта и парили где-то рядом, будто произнесенные на иностранном языке. Шарлотта качала головой и с безразличным видом твердила «нет». Она решила, что их спутали с родителями какой-то другой пациентки, и пыталась остановить доктора, стараясь уберечь его от последующего смущения и замешательства. Женщина еще раз себя назвала и сказала, что ее дочь привезли в больницу только потому, что она «перебрала» на вечеринке. Том потом вспоминал, что в тот момент хранил молчание, будто полное отсутствие звуков с его стороны позволяло остановить время перед тем, как оно двинется дальше по пути, который он уже разглядел.

Доктор Бейрд умолк и бросил взгляд в сторону полицейских. Один из них, детектив Парсонс, направился к ним – медленно и с явной неохотой. Том с Шарлоттой отошли в сторонку. Парсонс заговорил с Бейрдом. Доктор покачал головой и посмотрел на свои черные туфли. Затем вздохнул. Парсонс пожал плечами с таким видом, будто за что-то извинялся.

Потом Бейрд повернулся, подошел к Крамерам и, сложив на груди руки, будто в молитве, сказал всю правду – сжато и без обиняков.

Вашу дочь нашли в лесу за домом на Джанипер Роуд. Ее изнасиловали.

Доктор Бейрд запомнил звук, который в тот момент издал Том Крамер. Не слово, не стон, не сдавленный крик – что-то такое, чего он раньше никогда не слышал. Он звучал отголоском могилы, будто какая-то частичка естества Тома умерла насильственной смертью. Колени у него подогнулись, он стал заваливаться на Бейрда, но тот подхватил его под руки и не дал упасть. На помощь тут же бросилась медсестра, предложила Тому сесть в кресло, но он отказался.

Где она? Где моя девочка? – спросил он, оттолкнув от себя доктора. Потом рванулся к занавескам палат приемного отделения, но сестра схватила его сзади и непустила.

Ваша девочка там, – сказала она. – С ней все будет в порядке... она спит.

Они подошли к палате, и сестра отдернула занавеску.

Поскольку у нас тоже есть дочь – наш первенец, ее зовут Меган, сейчас она уехала и учится в колледже, – жена как-то призналась мне, что не раз примеряла на себя подобные ситуации. Когда увидела, как Меган впервые выехала со двора за рулем нашей машины. Когда она уехала в Африку по программе летнего отдыха. Когда мы застали ее взбирающейся на высокое дерево, что теперь кажется нам событием далекого-далекого прошлого. И таких примеров можно было бы привести великое множество. Жена закрывала глаза, в ее воображении рисовались то груды искореженного металла вперемешку с изуродованными человеческими останками, то вождь дикого, воинственного племени с мачете в руке, перед которым наша дочь, рыдая, стоит на коленях. Или безжизненное тело со свернутой шеей, лежащее на траве. Родители живут со страхом в душе, и то, как мы с этим страхом справляемся, как перебарываем его, зависит от слишком большого количества факторов, перечислять которые здесь нет никакой нужды. Моя жена вынуждена проходить через все это, видеть перед глазами подобные образы и испытывать в душе боль. Затем она складывает все это в коробочку, ставит на полку, а когда ее неотступно начинает одолевает беспокойство, смотрит на коробочку, пропускает тревогу через себя, не позволяя ей поселиться в глубинах ее естества, и продолжает радоваться жизни.

Она описывала мне подобные образы, иногда немного всплакнув у меня на груди. В основе каждого ее рассказа неизменно лежало тесное соседство чистоты и порочности,

добра и зла, и это постоянство меня в немалой степени интриговало, потому как что может быть чище и прекраснее ребенка?

В палате Том Крамер взглянул на дочь и увидел то, что моя жена только рисовала в своем воображении. Небольшие косички, стянутые резинками, разбитое в кровь лицо. Потeki черной туши на щеках, все еще пухлых, как у ребенка. Розовый лак на сломанных ногтях. Одинокaя серьга в ухе с камешком, соответствующим ее знаку зодиака, вторая мочка порвана и окровавлена. Эти серьги он купил дочери на день рождения. Вокруг – металлические столы с инструментами и пропитанными кровью тампонами. Врачи еще не довели свое дело до конца, поэтому в палате пока не убрано. Рядом с Дженни на стуле сидит женщина в белом халате и меряет ей давление. У нее стетоскоп, она достаивает их лишь мимолетным взглядом и тут же возвращается к шкале тонометра на гибком резиновом шланге. В углу, стараясь никому не мешать, стоит женщина-полицейский, в руках у нее открытый ноутбук.

Подобно тому, как на пороге смерти «перед глазами человека проходит вся жизнь», Том вдруг увидел Дженни новорожденной, завернутой в розовое одеяло. Вновь ощутил теплое дыхание на шее, когда она засыпала у него на руках, почувствовал крохотную ручку в своей ладони и тельце, крепко обнимавшее его за коленку. Услышал радостное хихиканье, доносящееся из пухлого, мягкого животика. Его отношения с дочерью не были омрачены подводными камнями неправильного поведения. Это, скорее, был удел Шарлотты Крамер, и в этом отношении, должен заметить, она, сама того не сознавая, сделала им обоим подарок.

Ярость и гнев к насильнику пришли, но не в тот момент, а позже. В ту минуту Том видел, слышал и чувствовал только одно – собственную неспособность защитить свою маленькую девочку. Отчаяние его не поддается ни измерению, ни сколько-нибудь адекватному описанию. Он расплакался как ребенок – рядом с медсестрой, рядом с дочерью, безжизненно лежащей на кровати.

Шарлотта Крамер стояла за его спиной вместе с доктором. Каким бы шокирующим это вам ни показалось, но изнасилование дочери она воспринимала как проблему, которую нужно как-то решать. Для нее оно было чем-то вроде лопнувшей трубы, грозившей затоплением подвала. Или даже пожара, после которого дом сгорел дотла, но они выжили и теперь стояли посреди развалин. Причем последний момент, то, что они выжили, в этой истории был ключевым. И мысли ее постоянно обращались к вопросу строительства нового дома взамен старого.

Шарлотта скрестила на груди руки и посмотрела на доктора Бейрда.

Как это произошло? – спросила она.

Врач на мгновение застыл в нерешительности, не понимая, что она имеет в виду.

От Шарлотты его замешательство не ускользнуло.

Кто это сделал? Какой-нибудь мальчишка, присутствовавший на вечеринке и потерявший голову? Вы же знаете, как это бывает.

Бейрд покачал головой.

Мне об этом ничего не известно. Спросите детектива Парсонса, он, должно быть, знает больше меня.

Шарлотта огорчилась.

Я имею в виду результаты обследования. Вы сделали соответствующие анализы?

Да. Этого от нас требует закон.

Может, нашли что-нибудь особенное?

Миссис Крамер, – сказал Бейрд, – дайте вы сначала взглянете на Дженни, а потом мы с вами и вашим мужем обсудим это в более спокойной обстановке.

Шарлотте его предложение не понравилось, но она все же сделала так, как он просил. Ее нельзя назвать трудным человеком, и если в моем повествовании я описываю ее иначе, то категорично заявляю, что делаю это непреднамеренно. К Шарлотте Крамер я питаю огром-

ное уважение. У нее была непростая жизнь, в детстве она тоже получила травму, но оправилась после нее удивительно легко, что нашло отражение в силе духа и ее характере. Думаю, она на самом деле любила мужа, даже когда изводила его и мучила. И любила детей, причем одинаково, даже если и поднимала выше планку для Дженни. Но ведь любовь – категория искусства, а не науки. Каждый из нас может описывать ее разными словами и по-разному ощущать внутри своего естества. Одних она заставляет плакать, других смеяться. Одни от нее печалются, другие злобятся. Одних она будоражит, другим приносит удовлетворение и убаюкивает.

Шарлотта воспринимала любовь через некую призму. Объяснить это так, чтобы мои слова не звучали осуждающе и чтобы вы не прониклись к ней неприязнью, очень трудно. Но Шарлотта отчаянно нуждалась в модели, вынесенной из детства, – в традиционной (полагаю, она даже сказала бы «скучной») американской семье. Она любила свой город, потому что в нем жили люди, работающие не покладая рук, разделяющие ее воззрения и исповедующие высокие моральные принципы. Любила свой дом, потому что он воплощал в себе Новую Англию в тихом, спокойном окружении. Ей нравилось быть замужем за Томом по той простой причине, что он был человек семейный и имел хорошую, хотя и не выдающуюся работу, ведь если человек занимается чем-то исключительным, то ему уже не до семьи. Том руководил несколькими автосалонами и, что важно, продавал такие престижные марки, как «БМВ», «Ягуар» и им подобные. Мне говорили, что это совсем другое дело, чем «торговлишка» какими-нибудь завалящими «Хендэ». О том, любила ли бы Тома Шарлотта без всего этого, не ведали ни он, ни она. Она любила Дженни и Лукаса, потому что они были ее детьми, а еще потому, что воплощали собой все, что только должны воплощать дети. Сообразительные, спортивные и послушные (по большей части), но также шумные, озорные, глупые, неустанно требующие упорного труда и массы усилий, что позволяло Шарлотте с пользой проводить время, да еще часами обсуждать поведение сына и дочери с подругами по клубу за ланчем. Каждый фрагмент этой картинки она любила страстно и глубоко. Поэтому когда Дженни «сломалась», она отчаянно бросилась ее «чинить». Как я уже говорил, ей хотелось как можно быстрее построить новый дом.

Привезя Дженни в отделение «скорой помощи», ее тут же напичкали успокоительными. Ребята, которые ее нашли, говорили, что она то теряла сознание, то вновь приходила в себя, хотя это, скорее всего, было результатом не столько опьянения, сколько шока. Глаза ее оставались открытыми, она могла сидеть и даже дошла через лужайку до кресла в гостиной почти без посторонней помощи. По их словам, порой она узнавала их, понимала, где находится и что с ней случилось, но уже несколько секунд спустя совершенно не могла ответить на их вопросы. Кататония. Дженни позвала на помощь. Стала плакать и кричать. Затем побелела как мел. О тех же симптомах говорили и врачи «неотложки», но давать человеку успокоительные не в их правилах. Истерика охватила Дженни уже в больнице, когда ее начали осматривать. Чтобы облегчить ее страдания, доктор Бейрд сделал назначение. Крови было вполне достаточно, чтобы персонал встревожился и прибегнул к использованию седативных препаратов для проведения обследования пациентки без чьего-либо согласия.

Несмотря на напускное спокойствие Шарлотты, вид дочери поразил ее до глубины души. По сути, у меня было такое ощущение, что в первый момент она испытала примерно те же чувства, что и Том. Хотя они почти не прикасались друг к другу за пределами спальни (а там только чтобы выполнить рутинный супружеский долг), она обеими руками схватила Тома за предплечье. Затем спрятала лицо в рукав его рубашки и прошептала: «О боже!» Плакать Шарлотта не стала, но Том чувствовал, как ее ногти все сильнее впивались в его кожу по мере того, как она старалась овладеть собой. Женщина попыталась проглотить застрявший в горле ком, но вдруг обнаружила, что во рту у нее совершенно пересохло.

Детектив Парсонс наблюдал за ними из-за занавески. Он запомнил их черты в тот момент, когда они глядели на дочь. Лицо Тома исказилось и было мокрым от слез, на нем явственно читалась агония. Шарлотта, на какое-то время потерявшая самообладание, теперь выглядела решительной. Парсонс назвал ее гримасу «одеревеневшей верхней губой». Потом он говорил, что чувствовал себя не в своей тарелке, глядя на них в тот глубоко сокровенный момент, хотя взгляда все равно не отвел. Рассказывал, что слабость Тома и сила Шарлотты произвели на него неизгладимое впечатление, хотя любой другой, отличающийся не столь примитивными представлениями о человеческих эмоциях, тут же понял бы, что все было как раз наоборот. Чтобы выразить эмоцию, нужно намного больше сил, чем для того, чтобы ее подавить.

Доктор Бейрд стоял рядом с ними и вчитывался в карту, прикрепленную металлическим зажимом к спинке кровати Дженни.

Может, поговорим в комнате для родственников и близких? – предложил он.

Том кивнул и вытер слезы. Затем склонился над дочерью и поцеловал ее в макушку. Из его груди вырвалось еще несколько сдавленных рыданий. Шарлотта отбросила с лица Дженни непокорную прядку волос и погладила по щеке тыльной стороной ладони.

Милый мой ангелочек... милый, славный мой ангелочек... – прошептала она.

Вслед за доктором Бейрдом и детективом Парсонсом они направились к веренице закрытых дверей. За ними оказался еще один коридор, который привел их в небольшую комнату с телевизором и кое-какой мебелью. Бейрд спросил, не принести ли Крамерам кофе или что-нибудь поесть, но те отказались. Бейрд закрыл дверь. Парсонс сел рядом с ним – напротив четы Крамеров.

Теперь приведем слова Шарлотты о том, что произошло дальше:

Они не ходили вокруг да около и устроили нам форменный допрос. Интересовались друзьями Дженни, спрашивали, знали ли мы о предстоящей вечеринке, не было ли у нее проблем с какими-нибудь мальчиками, не упоминала ли она о том, чтобы ее кто-то донимал в школе, в городе или же в социальных сетях. Том отвечал будто в тумане, мне казалось, что он никак не может понять, что мы просто избегаем того, что должны обсуждать. Я не говорю, что эти вопросы были не к месту или что мы не должны были на них отвечать. Но я смертельно устала и была на грани отчаяния, понимаете? И хотела, чтобы мне самой кто-нибудь что-то рассказал. Я прилагала невероятные усилия для того, чтобы Том «оставался мужчиной», потому как знаю свою склонность все держать под контролем. Ни один человек не станет жаловаться, когда в доме царит идеальный порядок, когда в холодильнике есть все необходимое, когда одежда выстирана, выглажена и разложена в шкафу. В то же время... я действительно стараюсь, потому что знаю насколько важно для мужчины оставаться в браке мужчиной. Но в тот раз с собой не совладала. Просто не смогла.

Я их перебила, всех этих мужчин, и сказала: «Кому-то из вас придется рассказать, что случилось с нашей дочерью». Доктор Бейрд и детектив переглянулись с таким видом, будто ни один из них не хотел быть первым. Жребий достался врачу. И тогда он рассказал нам все. Рассказал, как она была изнасилована. Совсем не то, на что я надеялась. Насильником был отнюдь не мальчик, в которого Дженни была влюблена и который потерял голову. Боже мой, я прекрасно понимаю, как мерзко это звучит. Феминистки за что-нибудь подобное оторвали бы мне голову, да? Я отнюдь не хочу сказать, что подобное преступление не является изнасилованием или что за него не надо наказывать. Поверьте мне, Лукас, когда подрастет, убедится, в какой ситуации можно оказаться, если парень не уверен, что девушка согласна. Я действительно считаю, что мужчины несут ответственность и должны понимать, что когда дело доходит до секса, они с женщинами находятся в неравных условиях. И не только по причине физиологических различий. Здесь также задейство-

вана и психика – тот факт, что на девушек оказывают давление, заставляя делать то, чего они не хотят, а парни, мужчины, плохо понимают, через что женщине приходится проходить. Как бы там ни было, это было совсем не то, на что я надеялась. По сути, случилось то, чего я больше всего боялась. Об этом рассказал детектив Парсонс. На насильнике была маска. Он сбил Дженни с ног и прижал к земле лицом вниз. А потом... Простите. Мне трудно произнести это вслух. Слова звучат у меня в голове, но вымолвить их – совсем другое дело.

Шарлотта на мгновение умолкла, чтобы собраться с мыслями. У нее был собственный метод, которым она неизменно пользовалась. Закрывать глаза, медленно сделать глубокий вдох, трянуть головой и так же медленно выдохнуть. Вновь открыв глаза, она сначала посмотрела вниз, затем кивнула в знак того, что полностью овладела собой.

Я просто скажу все как есть, и на том покончим. Ее насиловали и спереди, и сзади, обычным и извращенным способом в течение часа. Да. Я это произнесла. Дело сделано. Врачи провели все необходимые анализы, обнаружив следы спермицида и латекса. Этот... эта тварь использовала презерватив. Не нашли ни единого волоска, и судебные эксперты, прибывшие позже из Крэнстона, сказали, что он, скорее всего, предварительно все себе выбрил. Представляете? К этому изнасилованию он готовился, как пловец к Олимпийским играм. Но золотой медали ему не видать, правда? Физические раны затянутся, не оставив после себя ни малейших следов. Дженни, по ощущениям, даже не будет отличаться от других женщин. А вот эмоционально...

Она вновь умолкла, на этот раз не столько, чтобы овладеть собой, сколько чтобы немного подумать. Потом голосом, в котором отчетливо слышалось пренебрежение, продолжила:

Я помню, что подумала: «Слава тебе, Господи, что моей девочке обеспечили надлежащий уход. Все, что он с ней сделал, нашими стараниями пройдет без следа». Поэтому прошу прощения за бедность речи, но мысль, которая тогда пришла мне в голову, можно выразить так: «Да пошел он!» Для нас его больше нет.

Глава третья

Шарлотта и Том не пришли к общему мнению касательно лечения Дженни. Верх в этой битве одержала Шарлотта.

Медицинское сообщество до сих пор изучает проблемы формирования и сохранения памяти. Исследования в этой области набирают обороты, то и дело возникают новые направления. Человеческий мозг обладает долгосрочной и краткосрочной памятью, он способен сохранять воспоминания и извлекать их из ячеек, в которых они хранятся, причем процесс этот, по мнению ученых, значительно масштабнее, чем предполагалось ранее. Давайте не забывать, что в течение нескольких десятилетий нейробиологи полагали, что воспоминания хранятся не в самих клетках головного мозга, а в синапсах, которые их соединяют. Теперь это утверждение опровергнуто, и на сегодняшний день принято считать, что история человека хранится в нейронах. Кроме того, мы обнаружили, что память нельзя называть статичной. По сути, воспоминания претерпевают изменения каждый раз, когда человек извлекает их из хранилища.

Метод лечения, целью которого является частичная антероградная амнезия, лишаящая человека воспоминаний о травмирующих событиях, был разработан в результате целой серии экспериментов как на животных, так и на людях, осуществлявшихся в течение многих лет в самых разных условиях. Первоначально для этих целей стали использовать морфин. В самом начале 1950-х годов врачи обратили внимание на тот факт, что при назначении на ранних стадиях морфина в больших дозах симптомы посттравматического стрессового расстройства идут на убыль. Это открытие носило случайный характер – морфин назначался детям, ставшим жертвами пожара и получившим ожоги, исключительно с целью облегчить их страдания. Пациенты, получавшие большие дозы морфина сразу после пожара, демонстрировали значительное снижение симптомов ПТСР по сравнению с теми, кому этот препарат назначался в малых дозах либо не назначался вообще. В 2010 году был составлен официальный документ, описывающий благотворное влияние морфина на детей, получивших ожоги. Этот препарат, наряду с другими наркотическими веществами, в течение долгого времени использовался для лечения военнослужащих в полевых условиях, и ученые, исследовавшие взаимосвязь между травмирующим событием, морфином и ПТСР, установили, что это лекарство, если назначать его сразу после ранения, способно в значительной степени снижать симптомы ПТСР в случае как с мужчинами, так и с женщинами.

И вот почему: каждую секунду, когда человек бодрствует, он что-то испытывает – видит, слышит и чувствует. Мозг обрабатывает эту информацию и сохраняет в памяти. Данный процесс называется консолидацией памяти. Каждое фактическое событие содержит в себе определенную эмоциональную составляющую, приводящую в действие определенные химические соединения мозга, которые заносят воспоминания об этом событии в соответствующую, с позволения сказать, «ячейку». Все, что происходит впоследствии, их отнюдь не замещает, поэтому их можно без труда извлечь. Менее значимые события, например воспоминания о том, что мы готовили на ужин в четверг, могут быть отправлены в какой-нибудь архив. Со временем они могут быть вытеснены другими «архивированными» воспоминаниями, и воскресить их в ряде случаев уже будет нельзя. Они даже могут отправиться непосредственно в корзину. Некоторые исследователи полагают, что морфин снижает эмоциональную реакцию на событие за счет блокировки норадреналина, в результате чего оно из категории «значимого» тут же низводится до уровня «архивированного». Это первый компонент лечения.

Идем дальше. Поскольку сохранение воспоминаний о событиях требует взаимодействия различных химических соединений в мозгу, можно наблюдать, как этот процесс может

быть нарушен воздействием на эти соединения в тот момент, когда мозг пытается сохранить в ячейке соответствующую информацию. Именно поэтому бурно проведенная ночь с обилием алкоголя приводит к «отключке». По той же причине такие препараты, как «Рогипнол», получивший прозвище «наркотика изнасилования», позволяют человеку жить нормальной жизнью и совершенно не помнить о событиях, произошедших в тот момент, когда это вещество находилось в его организме. Микроклеточный «персонал» мозга, ответственный за воспоминания, в этом случае устраивает себе обеденный перерыв. Ничего не сохраняется, события для человека теряются, будто их никогда не было вообще. Но это относится лишь к фазе кратковременной памяти. Вторая часть лечения подразумевает использование революционного препарата, призванного устраивать подобные «обеденные перерывы» во время консолидации долгосрочной памяти – за счет подавления необходимых протеинов на этом этапе он блокирует синапсы и таким образом позволяет человеку избавиться от краткосрочных воспоминаний. Называется он «Бензатрал».

В случае с травмой наибольшую сложность представляет хронометраж. Строго определенного промежутка времени между консолидацией краткосрочной и долгосрочной памяти попросту не существует. Каждый тип памяти подразумевает обращение к своему участку мозга в зависимости от характера события. Что это было – вздох, звук, ощущение? Музыка, математическая формула или встреча с незнакомым человеком? Когда человек получает травму, его мозг работает, сохраняя воспоминания. Поэтому лечение нужно начинать в последующие несколько часов, хотя даже в этом случае его стопроцентная эффективность не гарантирована, если события успели записаться в долгосрочной памяти.

Дженни в этом отношении оказалась в наилучших условиях. Когда ее начали насиловать, она пребывала в состоянии сильного алкогольного опьянения, а потом тут же впала в шоковое состояние. В течение получаса после этого ее напичкали успокоительными, а в последующие два часа начали лечение. Когда спустя двенадцать часов девушка проснулась, в голове у нее остались лишь смутные, обрывочные воспоминания, о которых я уже говорил.

Том Крамер тоже запомнил разговор в комнате для родственников и близких. Я не в состоянии воспроизвести эмоции, охватившие его, когда он об этом рассказывал, поэтому ограничусь лишь тем, что приведу его слова и добавлю, что он при этом не плакал. Полагаю, что к этому моменту у него просто не осталось слез.

Что точно мне говорили, я не помню. В моих ушах снова и снова звучало одно и то же слово – «изнасилование». Могу сказать, что это было грубое, безжалостное нападение. Что подозреваемых у полиции не было. Что насильник соблюдал осторожность, воспользовался презервативом и, по всей видимости, сбрил со своего тела волосную покров. Они решили, и позже этот вывод подтвердили судебные следователи, что на нем была черная шерстяная маска, полностью закрывающая голову и лицо, наподобие тех, которые носят лыжники. По словам полицейских, он издевался над ней в течение часа. Я заиклился на этой мысли, думая об этом больше, чем следовало. Когда через восемь месяцев после беды Дженни вновь попала в больницу и мне стало ясно, что изнасилование не прошло бесследно, я вернулся домой и лег на пол лицом вниз, придав телу позу, в которой, как мне сказали, издевались над ней. И пролежал так в течение часа. Для пыток один час – это очень долго, намного дольше, чем можно себе представить. Это я вам гарантирую.

Как бы там ни было, ей назначили лечение. Мне объяснили механику процесса. Сказали, какие лекарства ей пропишут. Как Дженни примерно на сутки впадет в некое подобие комы, а потом, если повезет, обо всем забудет. Но если даже нет, то мучительные симптомы ПТСР, по меньшей мере, пойдут на убыль – это врачи утверждали наверняка. Мне сказали, что симптомы ПТСР подрывают здоровье и для их лечения могут потребоваться долгие годы. Доктор Бейрд спросил, не хотим ли мы побеседовать с психиатром, чтобы он объяснил нам механизм лечения, а заодно рассказал, какой будет жизнь Дженни, если

мы на него не согласимся. А потом добавил, что каждая минута промедления снижает его эффективность.

Глаза Шарлотты расширились так, что чуть не вылезали из орбит. «Да! – сказала она, даже не взглянув в мою сторону. – Приступайте! Чего вы тянете?» Затем вскочила на ноги и указала на дверь, будто они оба должны были тут же броситься вон из комнаты выполнять ее приказ. Но я схватил ее за руку. Я, может, и не самый умный, но для меня ее слова прозвучали как-то неправильно. Если Дженни все забудет, то как мы сможем найти эту сволочь? Как сможем засадить его за решетку, где он получит все, чего заслуживает? Детектив Парсонс кивнул головой и уставился в пол, будто точно знал, что я сейчас скажу. Затем наконец признал, что это будет очень и очень трудно. Даже если после лечения у нее и сохранятся какие-то воспоминания, все ее показания в суде будут оспариваться как не заслуживающие доверия. Ну разумеется, разве я спорю? То есть я хочу сказать приступайте. Все кончено. Послушайте, я совсем не говорю, что большие желал наказания этому парню, чем выздоровления собственной дочери. Но если мать считала, что для исцеления нужно все забыть и сделать вид, будто ничего не произошло, я полагал, что ради этого лучше взглянуть в лицо дьяволу, понимаете? Посмотреть ему прямо в глаза и взять обратно то, что он отнял. В конечном счете я оказался прав, не так ли? Боже правый, как бы я хотел, чтобы это было не так! Но я оказался прав.

Тогда я задал ему следующий вполне логичный вопрос: «Если вы чувствовали свою силу, то почему согласились?»

Том на несколько секунд задумался. Думаю, он задавал себе тот же самый вопрос тысячу раз, но до этого его просто не вынуждали отвечать на него вслух. Когда же ему все же пришлось это сделать, он побледнел и посмотрел на меня так, будто и без того все понятно. Том так и не осознал, что динамика отношений в их браке была вполне очевидной – или нормальной, коли на то пошло.

Потому что если бы я ошибся и Дженни с этим бы не справилась, во всем обвинили бы меня. Почему я согласился? Потому что был трусом.

Глава четвертая

Что я пока обошел вниманием, так это странный порез на спине Дженни. До последнего времени он для нашей истории были не важен, но теперь я считаю своим долгом рассказать о нем перед тем, как двигаться дальше. В ту ночь, когда была изнасилована Дженни, все происходило очень быстро. Через час после того, как ее нашли, она уже была в больнице. Там ее накачали успокоительными. Буквально через полчаса приехали родители, и их тут же поставили перед необходимостью принимать решение относительно лечения. Вливать лекарства должен был психиатр – через капельницу, иголку которой медсестра воткнула в тыльную сторону ладони. Пришлось подготовить и подписать целый ряд бумаг, гарантирующих, что лечение будет оплачено, потому как данный случай страховкой не покрывался. Наконец, девочку стали готовить к хирургическому вмешательству и тщательному обследованию судебными экспертами.

Том оставался с дочерью до тех пор, пока ее не увезли в операционную. Потом он рассказывал, что в тот момент у него было ощущение, будто она оказалась на заводском конвейере. Подобное производство он видел несколько раз в Детройте, когда еще торговал «Фордами». Металлические детали, гайки и болты, пластмасса и резина, компьютерные чипы и тысячи рабочих, руки которых не знают покоя и собирают все это в одно целое. Этот образ возник у него в голове, когда он смотрел, как пять человек работали с ее телом, каждый на своем участке, в то время как мозг пребывал под действием лекарств, заставлявших Дженни спать, – возник и глубоко встревожил, как и собственное благоговейное поведение. Тому хотелось схватить ее, поднять с каталки, замахнуться кулаком и приказать всем оставить ее в покое. Но ничего такого он, конечно, не сделал.

Мне не хотелось бы лишний раз говорить о том, насколько родители Дженни были разными, но Шарлотте в тот момент очень хотелось последовать примеру дочери, впасть в забытие, уснуть и напроочь забыть о случившемся. Она не стала наблюдать, как профессионалы делают свое дело, а вернулась вместо этого домой, отпустила няню, выпила снотворное, подоткнула одеяльце на кровати спящего Лукаса и свернулась калачиком на диванчике в нескольких футах от него. А затем прислушивалась к его дыханию до тех пор, пока ее не сморил сон. Позже я узнал, что она делала так часто – чтобы не спать в одной постели с Томом.

Когда разрывы половых органов и прямой кишки Дженни были зашиты, ее отвезли в палату интенсивной терапии. После этого доктор Бейрд, вместо того чтобы лечь спать, отправился посмотреть, как там Том. Вскоре к нему присоединился и детектив Парсонс. Именно в этот момент отец девочки впервые услышал о странном порезе у нее на спине. Детектив Парсонс потом объяснял:

Мы получили предварительные результаты обследования, проведенного судебными экспертами. Они взяли образцы жидкостей и волосков, чтобы подвергнуть их тщательному анализу, хотя, как мы знаем сегодня, впоследствии ничего так и не было обнаружено. Во время осмотра был найден странный порез. Он очень отличался от обычного, в первую очередь своей глубиной. Длиной всего в дюйм, но чтобы зашить его, пришлось наложить семнадцать швов. Поначалу его никто даже не заметил, потому что тело Дженни покрывала грязь и на нем было множество царапин, но когда ее помыли, то сразу обратили на него внимание. Он один продолжал кровоточить. Бригада, обследовавшая заросли, где Дженни подверглась нападению, обнаружила небольшую палку, с одного конца заточенную ножом, подобно дротику. Длиной около фута. Следов кожи, кроме той, что принадлежала Дженни, на ней найдено не было, но эксперты выявили волокна, впоследствии оказавшиеся неопреном. Из такого материала изготавливают спортивные перчатки. Эксперты решили, что

эту палочку насильник использовал в качестве стамески для резьбы – только не по дереву, а по коже.

Детектив Парсонс – молодой мужчина, ему тридцать один год, что объясняет бесцеремонность, с которой он сообщил Крамерам о Дженни в ту самую ночь, когда ее изнасиловали. Молодость неразрывно связана с неспособностью предвидеть последствия принимаемых решений. Один из величайших недостатков нашего земного существования в том и заключается, что к тому времени, когда человек понимает, как ему нужно себя вести, жить ему остается всего ничего.

Детективы в Фейрвью не сказать чтобы очень востребованы. Работа в этом городке представляет собой либо трамплин, позволяющий прыгнуть, перейти в разряд более «активных» полицейских и добиться перевода хотя бы в соседний Крэнстон, либо ступеньку вниз – к пенсии. Парсонс – детектив неплохой. Но его неопытность, пусть даже и относительная, ведет к тому, что, рассказывая о более «интимных» подробностях изнасилования, он начинает запинаться и краснеть. Его страстное желание выглядеть крутым, бесстрастным профессионалом на самом деле лишь подчеркивало то, насколько лично его задело происшедшее. Это действовало на нервы. Но как я уже говорил, похоть еще не делает человека злым. Мы без конца предпринимаем отчаянные попытки, чтобы это утаить. И детектив Парсонс, продолжая, сделал точно то же самое.

Когда мы обратились за помощью к экспертам по изнасилованиям из Крэнстона, они забросали нас вопросами о временном интервале. Для нападения в общественном месте час – это непривычно много. Увидеть их ночью в зарослях действительно было трудно. Тем более что луна была на ущербе и к тому же пряталась за плотным слоем облаков. Но каждый, кто шастал из дома и обратно во время вечеринки, вполне мог их услышать, особенно если бы вышел во двор, как та парочка, которая, в конечном счете, нашла Дженни и пришла ей на помощь. Но оспаривать медицинские факты специалисты не стали. А когда узнали о заостренной палочке и странном порезе, то сказали, что в этом случае ситуация обретает более конкретный смысл. Они считают, что насильник многократно (в этом месте была какая-то долгая, странная пауза) насиловал девушку, а затем прерывался, чтобы вонзить ей в кожу импровизированную стамеску. Порез располагался в нижней части спины. В этом месте девочки любят наносить себе татуировку. Эксперты полагают, что таким образом он ее «метил», а может, просто наслаждался циклами смены страха и облегчения, когда на какое-то время оставлял девушку в покое, а потом вновь брался за свое, или же приходил в восторг, когда вонзал острое в ее плоть и при этом чувствовал дрожь в ее теле (здесь еще одна пауза, на этот раз скорее задумчивая). После этого наши мысли потекли в совершенно ином направлении. Насильник оказался большим социопатом, чем предполагалось ранее, и в своих предположениях на этом пути мы уже заходили очень далеко.

Восстановление физического здоровья Дженни проходило не без осложнений. Защищенные разрывы затягивались с трудом, из-за этого ей постоянно и каждый день приходилось терпеть боль. Девушка даже попыталась перестать есть, чтобы уменьшить количество испражнений, положенных ей природой. За те две недели, когда ее организм приходил в себя, она потеряла десять фунтов и по большей части провела это время либо в постели, либо на диване, заваленном обезболивающими средствами. По поводу того, стоит ли ей возвращаться в школу, в семье существовали разногласия. Когда она в достаточной степени поправилась, до окончания занятий оставалось каких-то три недели и школьное начальство вместе с учителями великодушно предоставило ей все учебные материалы, а экзамены разрешило сдать летом.

Мне было чрезвычайно любопытно узнать, как Крамеры в конечном итоге решат этот вопрос. Интерес вызывал тот факт, что Шарлотта хотела запереть дочь дома и никуда не пускать, в то время как Том желал, чтобы она опять как можно быстрее оказалась «на коне».

Я никак не мог понять, обусловлена ли мотивация Шарлотты тем обстоятельством, что Дженни на тот момент выглядела далеко не лучшим образом. Она не только исхудала, но и побледнела, а лицо приобрело землистый оттенок. От обезболивающих под глазами залегли черные круги. Если же говорить в целом, девочка напрочь утратила присущую ей раньше живость, энергию и совершенно разучилась улыбаться. Мне кажется, Шарлотта, будучи честной по отношению к себе самой, не желала, чтобы дочь увидели до тех пор, пока изнасилование не будет изгнано из внешности Джейн точно так же, как его изгнали из ее памяти.

В этом сражении победа тоже осталась за Шарлоттой.

Крамеры сняли летний домик на Блок-Айленд. Шарлотте пришлось отказаться от места в комитете распорядителей фондов клуба, что стало для нее огромной жертвой. Впрочем, это была ее собственная идея, которую она считала чем-то вроде кнопки «перезагрузка». Полагаю, что, помимо прочего, это еще и была желанная возможность отдохнуть друг от друга. Изъяны в их отношениях на тот момент уже всюду заявляли о себе, и что Шарлотта, что Том боялись разрыва, казавшегося им неизбежным. Том приезжал только на выходные, но в августе провел на Блок-Айленде целых две недели. Лукас посещал местный летний лагерь. Ему рассказали о нападении на сестру (слово «изнасилование» при этом не звучало), но он не придавал этому особого значения, а если и придавал, то только в свете того, как подобное обстоятельство отразится на его собственной жизни. Для его возраста это вполне нормально. Дженни выполнила все школьные задания, сдала экзамены и закончила десятый класс. А потом пригласила погостить на недельку Вайолет. Они пошли на пляж и отметили шестнадцатилетие Дженни. Было даже несколько улыбок, хотя Том и видел, что они натянутые. Шарлотта посчитала их искренними и настоящими, а поскольку внимательно наблюдать за дочерью, подмечать ее настроение, особенности поведения, следить за тем, что она ест и как спит, стало для нее почти что работой, она остро чувствовала каждый момент, так или иначе связанный с эмоциональным восстановлением дочери. Как бы там ни было, лето закончилось без эксцессов. Но это, конечно же, было всего лишь затишьем перед бурей.

Об изнасиловании Дженни рассказали в больнице, сначала психолог, потом психиатр. Диспансерного наблюдения специалисты по душевным расстройствам за ней практически не вели. Ни лечения, ни советов, лишь рутинные дежурные проверки. Врачи, конечно же, их рекомендовали, но и Шарлотта, и Том были против. Шарлотта не понимала, какой прок говорить об изнасиловании, если они приложили столько усилий для того, чтобы о нем забыть? Том же, с самого начала не считавший, что все приоритеты должны быть отданы лечению, рассматривал подобные процедуры чем-то вроде возможности не искать преступника, то есть не делать того, что должно быть сделано.

Встретившись в самом начале учебного года, врачи и Крамеры пришли к выводу, что лечение было на редкость успешным. Дженни и в самом деле ничего не помнила об изнасиловании. Она вновь стала нормально есть и спать. Родители очень надеялись, что дочь с головой окунется в водоворот приготовлений к получению высшего образования, столь характерный для последнего класса, – к прохождению стандартизованных тестов для поступления в колледж, к занятиям в рамках учебной программы подготовки к поступлению в университет, к волонтерской работе и занятиям спортом. У девушки не было ни симптомов ПТСР, ни рецидивов болезни, ни кошмаров, она не боялась оставаться одна и вполне адекватно реагировала на прикосновение других людей. Лечение в случае с Дженни считалось настолько успешным, что ее карту запросила даже одна женщина, военный врач из Норвича, занимавшаяся проблемой лечения психических расстройств в полевых условиях.

Беспокоило только одно – странный шрам на спине, оставшийся после пореза.

Как дела в школе?

Этот вопрос Шарлотта Крамер задала Дженни одним зимним вечером восемь месяцев спустя после изнасилования. За ним последовала неловкая тишина, что случалось каж-

дый раз, когда за ужином они оставались втроем. В тот понедельник, как и в другие зимние вечера, Лукас ушел на хоккейную тренировку. Он показывал себя прирожденным спортсменом, и мать записала его сразу в три секции, являвшиеся для пригородов Коннектикута чем-то вроде святой троицы – осенью он ходил на футбол, зимой на хоккей, весной на лакросс. В результате Шарлотта, Том и Дженни оставались одни, причем находиться в такой компании после случившейся беды им было непросто. Без юношеских рассказов Лукаса о состоянии школьного мужского туалета, о его выдающихся спортивных достижениях и о том, что его другу нравится некая девочка, во главе стола Крамеров неизменно восседала тишина, заполнившая собой все уголки их дома.

Потом Дженни вспоминала, что на ужин подали ее любимые блюда – жареного цыпленка, картофель с розмарином и французскую стручковую фасоль. Но аппетита не было, этот факт она тщательно скрывала и от отца, и от матери. Девушка поковырялась вилкой в тарелке и ответила:

Отлично!

Отец бросил на нее взгляд. Я совершенно уверен, что сам Том ничего не замечал, но Дженни говорила, что после возвращения с Блок-Айленда он делал это постоянно. Ей казалось, что в поисках улик он внимательно изучает ее мимику. Она стала контролировать выражение лица, зная, что каждый раз оно повлечет за собой определенный вывод. Что это за незаметная улыбка, притаившаяся в уголке рта? Может, сегодня произошло что-то хорошее? Вот у Дженни чуть дернулось веко, что бы это значило? Она гримасничает? Неужели их вопросы ее раздражают, как любого другого подростка, который сидит за столом с родителями? Но главное, нет ли в лице девушки чего-нибудь такого, что свидетельствовало бы о тревоге, от которой она так и не смогла избавиться? Дженни научилась очень хорошо скрывать свои чувства.

Она подняла глаза, чтобы подарить отцу то, чего он так хотел, – милую улыбку. В ответ он ей тоже улыбнулся, и Дженни, когда он это сделал, увидела беспокойство, поселившееся в его глазах с той ночи в лесу. И тут же подумала, обращает ли он внимание на ее собственную тревогу. Если так, то они оба улыбались друг другу, делая вид, что ничего не замечают.

Но Дженни не знала, что отец не изучал ее лицо. Да, он смотрел на нее, но только чтобы не подать виду, что от его внимания опять не ускользнуло, как она трет рукой небольшой шрам на спине, в том месте, где насильник пометил ее, будто трофеем.

Мать продолжила начатый разговор:

Я сегодня видела у ТаггERTA премилое платье! Может, сходим в субботу и посмотрим его? Если, конечно, ты не собираешься куда-то идти с очередной подружкой. Ты что-нибудь планируешь на этот день, милая?

Дженни полагала, и, на мой взгляд, совершенно справедливо, что мать прекрасно справилась со свалившимся на них несчастьем. Хотя незначительное повышение голоса в такие моменты, как этот, с головой выдавало ее досаду, вызванную нервной обстановкой, которую создавали Дженни и Том, она вела точно такую же насыщенную жизнь, как раньше, оставаясь неунывающей и общительной. Занятия йогой, ланчи, волонтерская работа в школе. Она никогда не замечала, что Дженни потирает шрам, и даже когда этот вопрос стал обсуждаться в открытую, утверждала, что никогда не обращала внимания на эту особенность поведения дочери.

Сама Дженни тоже не отдавала себе отчета в происходящем, хотя Вайолет несколько раз ее об этом спрашивала. В ее случае это было сродни детской привычке грызть ногти или сосать палец. Что-то в подсознании посылало ей сигнал протянуть руку к тому месту на спине, где насильник оставил ей шрам. В моих глазах это стало первым признаком того, что лечение было далеко не таким успешным, как полагали врачи.

История о том, что в тот вечер произошло в лесу за домом, была тщательно продумана и подавалась надлежащим образом, но главы, посвященной шраму, в ней попросту не было. Все знали, что Дженни изнасиловали. Но никто не ведал, ни каким образом, ни как долго над ней издевались. Потеря памяти объяснялась шоком и эмоциональной травмой. Эту версию рассказывала Шарлотта. Том, будучи мужчиной, удовлетворялся тем, что вообще никому ничего не говорил, а Дженни рассказывать и вовсе было нечего, за исключением того, что она прошла курс лечения, в результате которого частично утратила память. Она неизменно прилагала массу усилий для того, чтобы держать все в себе.

История была продумана скрупулезно, но так же аккуратно в естестве Джейн нашел пристанище монстр другого рода, укравший все хорошее и поселивший в душе девушки тревогу, вскоре ставшую острой и мучительной.

Что ты сказала, милая?

Мать хотела съездить в магазин купить хорошее платье. Отец бросил на нее сердитый взгляд. О той ночи никто не произнес ни слова, но у Дженни, по ее словам, сложилось впечатление, что те события сквозят в каждом вздохе, вырывавшемся из груди родителей. Отец, как она знала, сожалел о том, что с ней сделали врачи, лишив воспоминаний. Он жаждал мести, правосудия, его не устраивало проведенное расследование, результаты которого, как показало время, были ничтожными. Но мать никогда не оглядывалась назад. Если использовать аналогию, к которой я уже прибегал ранее, дом был отстроен – и на этом точка. Выбирая между напряжением, царившим в его стенах, и воспоминаниями Дженни о той ночи, Шарлотта с радостью определилась в пользу первого варианта.

Вечером Дженни, сидя у себя в комнате, слышала, как они ссорились, как отец плакал, а мать называла его «отвратительным слабаком». И чувствовала, что все это из-за нее, из-за ее неспособности изгнать монстра и отправиться в субботу за платьем. Девушка чувствовала, что внутри нее царит полная разруха. А еще у нее было стойкое ощущение, что из-за нее рушится их семья. Раньше она никогда не замечала разломов, избороздивших отношения между родителями. Дети на такие вещи никогда не обращают внимания.

Конечно, мам, – ответила она Шарлотте. – Звучит здорово. Но сначала мы могли бы пообедать.

Она заставила себя проглотить еще один маленький кусочек.

Шарлотта улыбнулась:

Вот и отлично, – сказала она и взглянула на Тома с видом, недвусмысленно выражавшим ее удовлетворение тем, что дела идут на лад.

Поковырявшись в тарелке достаточно долго, чтобы убедить родителей, что с ней все в порядке, Дженни извинилась и встала из-за стола. Затем убрала за собой посуду и сложила ее в раковину, добавив, что хочет пообщаться по интернету с друзьями.

После чего пошла к себе.

Полагаю, что я уже достаточно подробно описывал Дженни. Но что такого я упустил, чтобы вы могли себе ее представить? Длинные белокурые волосы. Голубые глаза. Стройная, спортивная фигура. Лицо уже перестало быть детским, но и взрослым его назвать пока было нельзя – на нем более явственно проступили скулы и как-то заострился нос. Его усеивали веснушки, а у правого уголка рта образовалась маленькая ямочка. Говорила она хорошо и выразительно, без всех этих вечных «э-э-э...», столь характерных для подростков. И еще она очень естественно пользовалась «языком глаз» – мастерством, которое человеку еще только предстоит изучить. Некоторые люди смотрят очень долго, прежде чем отвести взгляд и переключить внимание на что-нибудь другое. Другие, наоборот, делают это слишком быстро. У Дженни на это уходило ровно столько времени, сколько нужно, что мы, взрослые, считаем само собой разумеющимся, потому как каждый из нас, или по меньшей мере большинство, усвоило этот аспект акклиматизации в обществе.

Хотя она и утратила свою невинность (за неимением лучшего выражения я скажу так), это не мешало ей оставаться все такой же очаровательной и красивой. Свои мысли она описывала примерно в таком ключе. Голос девушки был ровный, она оставалась на удивление бесстрастной.

Я присела на краешек кровати и посмотрела по сторонам. Все вокруг было так знакомо, вся обстановка, которую я подбирала и помогала оформить. Стены были цвета красной звезды. Розовыми их назвать было нельзя, потому как в них присутствовало слишком много красного. Именно об этом говорила продавщица в хозяйственном магазине. Я не помню, как точно называется этот цвет, что-то вроде красно-розового. Яркие белые книжные полки, уставленные моими книгами, хотя теперь я стала читать намного меньше. И не только из-за того, что случилось. Глотать книгу за книгой я перестала в возрасте двенадцати лет. Думаю, из-за того, что сейчас мне приходится читать очень много по школьной программе. Да и потом, если в других классах было принято обсуждать прочитанное, то теперь, в выпускном, это больше не практикуется. Так что большинство моих книг либо школьные, либо и вовсе детские.

Еще у меня есть коллекция чучел животных. Я и сейчас, когда куда-нибудь еду, привожу новый экземпляр. Хотя вру, сейчас уже нет. С Блок-Айленда я ничего не привезла. Но почему – объяснить не могу. Сама знаю, но выразить словами не в состоянии. И если бы мне пришлось это сделать, я чувствовала бы себя лгуней, потому как была бы вынуждена выдавать себя за человека, которым больше не являюсь. Это примерно то же, что продолжать носить голубое, потому что оно нравилось вам раньше, хотя теперь вы не уверены, что и дальше любите этот цвет, но считаете необходимым по-прежнему отдавать ему предпочтение. Бессмыслица? Все, что я раньше любила, мне больше не нравилось. Поэтому я продолжала делать все чисто механически – мне казалось, что, откажись я от этого, мир вокруг развалится на части. Продолжала сидеть на кровати со всеми этими вещами, которые когда-то любила и которые теперь оставляли меня совершенно равнодушными – мне попросту хотелось бросить их в огонь. И в тот самый момент я поняла, что никогда уже не смогу полностью прийти в норму.

Потом она объяснила, почему приняла такое решение. То, что люди вообще делают подобный выбор, меня всегда поражало. Но я человек не религиозный и для меня единственная надежда заключается в том, чтобы жить. К тому же такие слова, как «подросток» и «выбор», нельзя вносить в один и тот же словарь.

Здесь я испытал в душе досаду от того, что знаю так мало об устройстве мозга. Пить, принимать наркотики, заниматься любовью, водить машину, голосовать или идти воевать несовершеннолетним нельзя в силу ряда причин. И дело не в том, что мы велим им так не поступать или что они слишком «неопытные» для принятия правильных решений. Мозг подростка еще не завершил своего развития. При взгляде на их тела, которые выглядят такими зрелыми, представить себе это очень и очень трудно. Мне не раз доводилось видеть шестнадцатилетних юношей с бородой, волосатым телом и накачанными бицепсами. Они выглядят на все двадцать шесть. А девочки с большой, развитой грудью, широкими бедрами и количеством макияжа, вполне достаточным для того, чтобы работать на какой-нибудь выставке промышленных товаров в Лас-Вегасе? Я уж не говорю о том, какие баталии вел с дочерью, когда она решила от скуки уйти из дома, или с сыном, когда он клялся, что по дороге на футбольный матч не станет заезжать за своими шестерыми друзьями и покупать пиво по фальшивым удостоверениям личности.

Несмотря на внешние данные, заглянув подростку в мозг, вы не обнаружите в нем ни малейших признаков зрелости. Даже близко. Именно неопытность заставляет их принимать ошибочные решения. Для этого у них попросту нет надлежащей базы. Вы только подумайте, какие мысли крутились в голове Джейн в тот вечер, когда она сидела на кровати?

Я просто закрыла глаза и впустила монстра внутрь своего естества. Нарисовала его в своем воображении. Он был похож на сгусток тьмы, на черную кляксу, и в действительности я не могла определить его форму, которая менялась с каждым его движением. Но при этом явственно ощущала его грубую кожу, испещренную ямками и бугорками. Помню, как ощутила его в животе. Внутри, казалось, взорвалось то самое чувство, которое испытываешь, когда сильно нервничаешь, когда стоишь на старте перед командной эстафетой в ожидании выстрела стартового пистолета – то самое, только в тысячу раз хуже. Я просто не смогла с этим смириться и стала тереть шрам. Помню, как я тогда его чесала. Всю ночь. И не могла остановиться. Мне хотелось кричать, но я знала, что это не поможет. После того, как меня изнасиловали, я делала это много раз. Говорила родителям, что отправляюсь на пробежку, действительно бежала, но только до тех пор, пока не оказывалась в парке, за теннисными кортами подальше от дома. И тогда из груди вырывался крик. Я все кричала и кричала. Стоило убрать руку, как зуд тут же возвращался. Не помогало ничего – ни бег, ни сон, ни алкоголь, ни лекарства. Мне буквально хотелось содрать с себя кожу. Так продолжалось почти восемь месяцев. Для меня это оказалось слишком долго.

Чтобы справиться с тревогой, Дженни стала принимать лекарства. Пыталась глушить ее алкоголем, а потом марихуаной и таблетками. Препаратами, которые ей удавалось найти в ваннных комнатах подруг, – всем, что можно было раздобыть. И продолжала принимать «Оксикодон» даже тогда, когда физическая боль прошла. Родители ничего не знали, удивительно, но такое случается сплошь и рядом. Они замечали, что у дочери появились новые друзья и подруги, видели, что она стала хуже учиться, но решили не устраивать по этому поводу сцен.

Непростительно, но врачи, отстаивавшие необходимость подобного лечения в случае с Дженни, да и любого другого, оказавшегося в сходной ситуации, к сожалению, не учли следующего. Независимо от того, записались ли фактические события в памяти и претерпели ли изменения эмоции в момент их сохранения в долгосрочной памяти под воздействием морфина, физические реакции человека в любом случае программируются в нашем мозгу. «Бензатрал» их не устраняет. На пальцах это можно объяснить примерно так: если вы обжигаетесь о горячую плиту, но потом вас искусственно заставляют об этом забыть, страх организма перед ожогами все равно остается. Только вот движущей силой его уже выступает не жар и не раскаленная докрасна горелка плиты. Он заявляет о себе когда заблагорассудится, и человек понятия не имеет, как его остановить. Именно по этой причине традиционные методы лечения ПТСР предполагают, что извлекать воспоминания из хранилища и вновь их переживать пациент должен в состоянии эмоционального покоя. Со временем взаимосвязь между эмоциями и фактическими воспоминаниями претерпевает изменения и теряет интенсивность, в результате воскрешение в памяти травмирующих событий становится не таким болезненным. Сами эмоциональные страдания тоже идут на убыль, хотя это, конечно же, очень трудная работа. Куда проще просто взять и уничтожить в памяти факты! Это примерно то же самое, что популярные в 1950-е годы вибрационные пояса, якобы сжигавшие жиры без всяких физических упражнений или диет. Никакую травму таблетками не вылечишь.

Об изнасиловании Дженни ничего не помнила, но в ее теле продолжал жить ужас. Физическая память и эмоциональные реакции, теперь запрограммированные в ее естестве, не могли восполнить собой образовавшуюся пустоту – для этого попросту не было подходящего набора фактов. Поэтому страх свободно разгуливал по телу девушки. И единственным осязаемым отголоском беды был шрам, оставшийся на том месте, где насильник ее пометил.

Теперь проще просто сказать, что ей нужно было обратиться за помощью. Но ведь эта девочка – подросток. И для ее мозга, детского и еще не возмужавшего, восемь месяцев оказалось «слишком долго».

Она пошла в ванную и открыла ящичек под раковиной. Затем взяла розовую одноразовую бритву. Используя маникюрный набор, выковыряла лезвия. После чего положила их на край раковины, ушла к себе в комнату, села на кровать и стала ждать.

Глава пятая

Похоже, я несколько опережаю события. Позвольте мне вернуться немного назад.

Том Крамер жил в собственном аду. Чувство вины за то, что он не сумел защитить дочь, не покидало его ни днем, ни ночью.

Это не имело под собой никакого рационального обоснования. Мы не в состоянии контролировать детей ежесекундно двадцать четыре часа в сутки, и поэтому с ними случаются всякие неприятности. Такова реальность. За историю своего существования общество не раз переживало периоды, когда родители усиленно опекали своих чад. У меня такое ощущение, что в основе последнего из них лежало обилие информации, распространяемой по интернету. Что бы ни случилось – кого-то похитили, к кому-то приставал сексуальный маньяк, кто-то утонул в бассейне, получил травму, катаясь на санках, упал с велосипеда или удавился, – все тут же становилось известно родителям от Мэна до Нью-Мексико. И у них возникало ощущение, что подобных инцидентов становилось все больше и больше. Ширились кампании, посвященные безопасности, на телевидении изобиловали ролики, на рынок в рамках этой проблематики выбрасывались все новые товары, повсюду появлялись предостерегающие надписи. Грудничкам больше нельзя было спать на животике, школьникам ходить пешком в школу или в одиночку дожидаться автобуса на остановке. Мысль о том, чтобы моя мать *когда-либо* подвезла меня к остановке, а затем припарковала автомобиль и вместе со мной стала дожидаться автобуса, вызывала хохот. Когда я пацаном ходил в школу, она даже с постели не вставала. Но ведь точно так поступают и сейчас, не правда ли?

Все это не замедлило вызвать бурную реакцию, появилось движение «фри-рейндж»¹, зазвучали голоса, предупреждающие об опасности «тотального» контроля. С риска, которому подвергаются дети, предоставленные сами себе, акценты в спорах сместились в сторону вреда, наносимого тем, кого родители окружили тотальной опекой.

Но это всего лишь трескотня. Если кто-то на самом деле захочет обидеть ребенка, он найдет способ это сделать.

Летом после изнасилования Тома неотступно преследовала мысль о том, как найти насильника. Уехав с семьей на Блок-Айленд, он проводил время в поисках. Не виделся с друзьями. Не ходил в спортзал. Перестал смотреть телевизор. С восьми утра до шести вечера работал, но навязчивая мысль не отпускала его и в автосалоне. Там перед ним каждый день мелькали новые лица. Крэнстон – город небольшой, но в нем все же живут восемьдесят тысяч человек. Добавьте к этому и тот факт, что у компании «Салливан Лакшери Карз», выступавшей в роли его работодателя, в радиусе шестидесяти миль был всего один салон по продаже «Ягуаров» и «БМВ», и вы тут же поймете, что каждый новый день Том Крамер видел перед собой новые лица, и одно из них, по мнению отца Дженни, могло принадлежать насильнику.

Полиция сделала все от нее зависящее, конечно же, в рамках своих возможностей. Всех, кто присутствовал на той вечеринке, опросили. Юношей, в частности, вызвали в полицейский участок. Многие пришли вместе с адвокатами. Том хотел, чтобы их всех подвергли тщательному обследованию. Взяли образцы ДНК и кожи. Он желал, чтобы их автомобили обыскали в поисках шерстяной маски и перчаток. А заодно проверить, не сбрил ли кто-нибудь из них с тела волосы. Ничего этого, конечно же, сделано не было.

Соседей допросили тоже, и тех, кто в тот момент был дома, и тех, кто уезжал. У всех были алиби. Эти алиби подвергли проверке. В тот день двенадцатилетний соседский маль-

¹ Free-range parenting – концепция воспитания детей, подразумевающая предоставление им большей свободы и независимости. (Прим. пер.)

чик по имени Тедди Дункан в восемь сорок пять вышел погулять с собакой, любознательным биглем по кличке Месси (названным так в честь известного футболиста). Так вот этот бигль обнаружил в заборе дыру и сбежал, что вполне в характере представителей этой породы. Они роют лапами землю, охотятся и устраивают погони. По всей видимости, Тедди был в лесу незадолго до того, как изнасиловали Дженни. Но с учетом расположения дома взял далеко вправо, а не углубился в заросли. Потом мальчик вновь вышел на Джанипер-роуд и стал искать своего питомца уже на улице. Тедди вспомнил припаркованный автомобиль, показавшийся ему каким-то не таким. «Не такой» в его представлении означало, что машина не была навороченной, что это не был огромный внедорожник со спортивными наклейками сзади. С помощью Парсонса и фотографий из Гугла Тедди пришел к выводу, что это была модель «Хонда Сивик».

Большую часть лета поиски насильника из Фейрвью сосредоточились на этой темно-синей «Хонде Сивик». Базы данных транспортных средств сопоставили со списком осужденных за преступления сексуального характера и других уголовников. В штате Нью-Йорк обнаружили тысячи таких темно-синих «Хонд». А Тедди Дункану только «казалось», что номера на машине были нью-йоркские, бело-голубые. И кстати, пока ваш мозг не стал двигаться в неправильном направлении, Тедди нашел пса рядом с соседским домом и в девять с четвертью уже вернулся к себе. При этом не забывайте, что мальчику всего двенадцать лет.

Учитывая уровень его опыта и мастерства, детектив Парсонс проделал хорошую работу. Вначале он не испытывал недостатка в энтузиазме, все факты, касающиеся изнасилования, представляли для него неподдельный интерес, и в этом плане он действительно выглядел «настоящим» полицейским. Но при этом сфокусировал свои поиски за пределами Фейрвью. Детектив связался с полицейскими участками по всему штату и поинтересовался, не было ли у соседей аналогичных изнасилований – девочка-подросток, лыжная маска, полное отсутствие биологических следов на месте преступления, синяя «Хонда Сивик». Ну и, конечно же, «метка» на спине. Десятки изнасилований имели много общего с расследуемым случаем. Но ни одно из них не совпадало полностью. Коллеги из других округов пообещали держать руку на пульсе. Проблема заключалась в том, что все пойманные насильники отбывали срок в тюрьме. А тех, кто пока разгуливал на свободе, отследить было нельзя. Точное число изнасилованных женщин в Соединенных Штатах назвать невозможно, потому что из всех преступлений против личности о сексуальном насилии заявляют реже всего. По экспертным оценкам, раскрываются лишь двадцать пять процентов изнасилований, жертвы которых обратились в полицию.

В случае с Дженни ситуация складывалась не лучшим образом, и к Рождеству Том остался единственной движущей силой в своем неумном стремлении к справедливости.

Каждый год на Рождество их навещали родители Тома, и в семье было решено, что и на этот раз все будет как всегда. Бабушка с дедушкой приехали посреди недели, сразу после начала школьных каникул. Милли, мать Тома, была умной женщиной, наделенной очень острым чутьем. Шарлотта, которой в ее присутствии было трудно хранить свои секреты (мы о них еще поговорим), от этого чувствовала себя не в своей тарелке. Его отец, Артур, жил больше разумом, чем сердцем. Раньше он работал преподавателем в Коннектикут-Колледже, но давно вышел на пенсию. Человек этот слыл стойком и в этом качестве прекрасно ладил с невесткой.

О том, как они в тот раз гостили, Том вспоминал так:

Я вновь почувствовал себя ребенком. Хотелось броситься маме на грудь, долго плакать, а потом сесть к папе на колени и посмотреть хоккей. Я желал услышать от них, что все будет хорошо, чтобы мама провела комплексный анализ ситуации, а отец взглянул на произошедшее под углом, который позволил бы моей дерьмовой жизни прийти в норму, как бы плохо все ни обстояло на самом деле. Дженни с ними было так здорово. Мать взяла ее

походить по магазинам и разговаривала с ней о будущем, об учебе в колледже, о карьере. Спрашивала о друзьях, о том, чем она занимается и что собирается делать летом. Отец тоже старался принести пользу. Благодаря ему Лукас не сидел без дела, они то ходили на лыжах, то сооружали в подвале очередную модель из «Лего». Ребячество. Но понимаете, я наблюдал за ними будто извне. Потому что не мог участвовать в их играх. Для меня это было слишком нормальным... слишком... спокойным, что ли. Если бы я к ним приобщился, то потерял бы над собой контроль, стал бы стенать и сетовать на судьбу, ниспосланную небесами моей семье. Я с этим не смирюсь. Да, мне не удалось защитить дочь, но здесь я проявлю стойкость. В то же время я прекрасно знал, что шансы найти эту тварь с каждым днем становились все призрачнее и призрачнее. Мне хотелось быть мужчиной. Я вновь хотел ощутить себя им. И поэтому молча ходил по городу с каменным лицом, притворяясь сильным. Но внутри оставался ребенком, которого охватил приступ гнева. При этом какая-то частичка моего естества отчаянно нуждалась в том, чтобы мама с отцом обратили на это внимание.

В те дни Шарлотте начал сниться сон. Она знала, что в основе его лежит документальный фильм о волках, из жизни дикой природы, виденный ею за несколько недель до этого. В одной из его сцен одинокий волк преследовал антилопу через лес до тех пор, пока не загнал ее на скалу. Антилопа, ловкая и даже не думавшая отступаться, медленно поднималась по каменному склону, в то время как волк яростно бегал у его подножия и поглядывал на добычу, такую близкую, но для него недостижимую. Он не сдавался целый час.

Во сне Шарлотта наблюдала за этой сценой на расстоянии. И хотя концовка была ей известна, она все равно каждый раз переживала, опасаясь, что хищник схватит антилопу в лесу до того, как она окажется в безопасности, или же что волк на этот раз дерзнет взобраться на скалу, найдя надежную опору. Заканчивался сон всегда одинаково – мать Дженни просыпалась в холодном поту, барахтаясь во влажных простынях и объятиях страха, сердце ее буквально выпрыгивало из груди.

Сон не давал покоя и ставил много вопросов. Что в нем можно было усмотреть? Охотника и его жертву? Тома и насильника? Тома и несправедливость? Насильника и Дженни? Семейю Тома и тайны Шарлотты?

Я спросил женщину, кем она была в этом сне: волком, упустившим добычу, или же антилопой, которая мудро избежала зубов хищника, но никогда больше не будет чувствовать себя в безопасности, когда спустится со скалы на землю.

Не знаю. На этот счет у меня не было четкого понимания. Я имею в виду, что всегда наблюдала за обоими животными со стороны. Антилопа бежала, чтобы спасти жизнь, волк – чтобы убить. Поэтому я не могу ничего сказать ни о чувствах, ни о мыслях, которые меня в эти моменты охватывали. Я об этом не задумывалась. Сон мучил меня каждую ночь, когда Крамеры гостили у нас на Рождество, а потом еще несколько недель после их отъезда. Полагаю, что вполне могла быть волком, подвергая опасности и свою семью, и всю жизнь, которую я вокруг себя создала. Но не исключено, что и антилопой, спасающей свою жизнь. У меня и правда такое ощущение, что еще чуть-чуть – и тайна станет явью. Конечно же, это звучит параноидальным бредом, но думаю, что мать Тома все знала – я видела по глазам. И ненавидела ее за это. Мне известно, что она помогала Дженни. Надо бы было попросить ее погостить подольше. Но и в Рождественский сочельник, и когда мы на следующий день пели песни и смотрели подарки, и в церкви, и потом за столом я думала только об одном – чтобы она убралась из моего дома к чертовой матери.

У Шарлотты были свои секреты, но мне казалось, что у нее были и другие причины не любить родителей Тома, особенно его мать. Выше я уже упоминал о детстве этой женщины. Полагаю, сейчас самое время внести ясность, поэтому прошу вас набраться немного терпения.

Шарлотта выросла в Нью-Лондоне. Для тех из вас, кто плохо знает этот регион, объясню, что в Нью-Лондоне располагается Академия береговой охраны Соединенных Штатов и база подводного флота. Городок этот в высшей степени военный. Ее мать Рутанна была юной дамой, неразборчивой в своих связях и в двадцать три года ставшей матерью-одиночкой. Вместо того чтобы учиться в колледже, она работала на небольшом предприятии, выпускавшем декоративные свечи. Шарлотте навсегда запомнился запах ароматизированного воска, неотступно следовавший за Рутанной, когда она после работы переступала порог их квартиры. Семья Рутанны жила там же. Родители, несколько пересмотрев свои планы касательно младшей дочери, поначалу им помогали. Но вели явно нездоровый образ жизни – пили, курили и заплыли жиром. Они умерли, когда Шарлотте не исполнилось и десяти. А еще через два года Рутанна, наконец, вышла замуж. Его звали Грег.

Это был первый секрет Шарлотты, и хранила она его очень тщательно. А открыла его мне только после того, как я завоевал ее доверие. Что было совсем не просто.

Я была красивая девочка. Белокурые волосы, голубые глаза и вполне сформировавшаяся к тому времени фигура. Что же до лица, то стоит вам взглянуть на фотографии, и вы сразу поймете, что Дженни моя дочь. Мать на свечном заводе доросла до должности менеджера. Они работали круглосуточно и без выходных, в дневную и ночную смены. Наверное, у них было много покупателей, если им приходилось без конца изготавливать все эти свечи. Уверена, что им приходилось решать вопросы с нелегалами, которых они нанимали, вероятно, зная, что в ночную смену никаких проверок не будет. Мать нередко упоминала две ведомости, одну официальную, вносимую в бухгалтерский отчет, и вторую, предназначенную исключительно для расчетов наличными. Грег работал на заводе плотником и часто говорил матери тщательно следить за расходом средств и никому не доверять. Особенно нелегалам. На его теле было несколько татуировок. В том числе змея, а под ней – несколько слов. «Не наступай на меня» – гласила надпись. Он не любил правительство и называл его членов «мужсланами». «Мужсланами» для него были все, кто обладал властью. Он считал их кем-то вроде хиппи. Суций идиот.

Первый раз это случилось ночью, когда мать ушла на работу. Мне тогда было семнадцать. Мы жили в убогой, грязной квартирке с одной ванной и тоненькими стенами. Вся кухня состояла из единственной электрической конфорки да микроволновки. Плиты как таковой и то не было. И одна ванная с душем в полструи, в котором по утрам никогда не было горячей воды, потому что соседи наши тоже были нелегалами – в крохотной квартирке их набилось человек шесть, а может, даже семь. Нелегалов Грег ненавидел почти так же, как правительство. Он любил расхаживать по квартире, разговаривая с собой. Они с матерью обосновались в спальне, а я спала на диванчике, поэтому когда он выходил из их комнаты, деваться было некуда. Мне доводилось слышать много дерьма, вылетавшего из его уст.

Если бы я утверждала, что не понимаю, к чему все идет, это было бы неправдой. Женщины такие вещи просто чувствуют. Мужчины, может, тоже, хотя я в этом не уверена. Мы можем точно сказать, когда в голове у мужчин происходит сдвиг и они решают с нами переспать. Я чувствовала, когда об этом думали ребята из числа моих друзей по колледжу. Чувствовала в переполненных барах. Чувствовала с коллегами. И с Грегом тоже чувствовала. Я делала все возможное, чтобы не путаться у него под ногами. Стала напяливать на себя большие одежды, надевать вместо юбок брюки, надевала туфли без каблука и носила свитера под горло. Но все было напрасно. Оно ведь всегда так, не правда ли? Как я уже говорила, если мужчина решил переспать с женщиной, ничто уже не в состоянии заставить его отказаться от этого намерения. И одной ночью это случилось. Я пришла домой с работы. Пару вечеров в неделю мне доводилось подрабатывать официанткой в закусочной. Помню, что из-за одного клиента я была не на шутку расстроена. По правде

говоря, в памяти запечатлелась каждая минута того вечера – как этот посетитель орал на меня за то, что я принесла ему пирог с мороженым, хотя он просил без мороженого. Он был прав, я перед ним извинилась, но он потребовал позвать управляющего, вновь начал кричать и заявил, что теперь его должны накормить бесплатно. Я заплакала. Мне показалось, что меня уволят. Босс велел идти домой. Боже мой, как же глупо это выглядит сегодня. Оказалось, что этот парень постоянно устраивал скандалы, чтобы не платить за ужин.

– Будь на вашем месте любая другая семнадцатилетняя девушка, она бы тоже расстроилась, – сказал ей я.

Надо думать. Как бы там ни было, к себе я вернулась в слезах. Грег был дома. Мы сели на диван, я стала рассказывать, и он долго меня слушал. Потом принес пива. И сказал, что все будет в порядке. Он и правда меня утешил, и я утратила бдительность.

Оставшаяся часть рассказа требует некоторых визуальных подробностей, которые я считаю очень важными. Поэтому прошу прощения, если вам будет трудно их читать.

Грег улыбнулся Шарлотте и погладил по голове. Думаю, он убедил себя в том, что она тоже его хочет, несмотря на брюки и водолазку. Люди охотно верят в придуманные ими сказки. Сердце Шарлотты бешено заколотилось в груди, но она даже не сдвинулась с места. Грег погладил девушку по щеке и тихо застонал. Звук напоминал протяжное «ааааах». Он пристально, как любовник, заглянул Шарлотте в глаза. Затем залез под свитер и прикоснулся к груди. После чего застонал опять, склонился ее поцеловать, и она ощутила на лице его горячее дыхание.

По воспоминаниям Шарлотты, все ее чувства будто застыли. Он ее утешил, и ей хотелось большего. Но не так, не через тело. Однако ничего другого не предполагалось, и она замерла, разрываясь между потребностью в утешении и любви с одной стороны и отвращением с другой. Она говорила, что Грег выглядел как дикий зверь, схвативший свою жертву. В точности антилопа и волк. Он больно укусил ее за мочку уха и засунул между ног руку. Шарлотта почувствовала, как ей в бедро уперся его напряженный член. Его палец оказался внутри нее. Ее охватило блаженство, никогда не испытываемое ранее. До этого Шарлотта даже ни с кем не целовалась.

– Ты мокрая! – со смехом сказал он. – Ты вся там мокрая, маленькая шлюшка.

Грег потянулся к ней и с такой скоростью стащил с Шарлотты брюки, что ей показалось, будто он обрел силу двух мужчин, а руки его превратились в щупальца осьминога. Его колени оказались у нее между ног, а торчащий член уперся в живот. Затем он медленно развел в стороны ее бедра, провел мужским достоинством по внутренней поверхности одного из них и скользнул внутрь. Ей запомнилось протяжное «ааааах». Проникнув в нее, он прижался к ней бедрами. А когда все было кончено (наверняка через несколько секунд), вышел из нее, лег рядом, поцеловал в шею, застонал и стал тереть пальцами клитор. Несмотря на отвращение, она испытала оргазм. Человеческое тело – та же машина, хотя порой мы об этом и забываем.

Они стали тайными «любовниками». Эти встречи, заполнявшие собой царивший внутри Шарлотты вакуум, заслонили собой совесть, затмили волю и мораль. Грег покупал девушке подарки и водил в кино. За ужином они обменивались взглядами, а когда Рутанна работала в ночную смену, занимались любовью на диване. Шарлотта понимала, что это плохо, что во многих отношениях она Грегу отвратительна, но, как она объяснила это мне, само по себе это прекратиться не могло.

Мне очень стыдно, но это так. Чувствовать рядом с собой человеческое тело. Чувствовать кожей прикосновение кожи другого. Чувствовать, как тебя целуют и сжимают в объятиях. Да и потом, там присутствовало и сексуальное наслаждение, которое я была не в состоянии контролировать. Не знаю. Может, это был только секс, может, я действительно была маленькая шлюшка, но тогда это воспринималось как любовь.

Рутанне потребовалось полгода, чтобы осознать и принять для себя то, что она видела и чувствовала, оказываясь в их компании. К тому времени Грег остался без работы и всецело зависел от жены. Полагаю, в дальнейшем исходе событий никто не сомневался, но Шарлотту охватило такое чувство, будто у нее из груди вырвали сердце.

Рутанна отправила дочь в Хартворд, к тетушке Пег. Тетушка, старше самой Рутанны на шесть лет, с успехом пристроила супруга в страховой бизнес. У них было трое детей, все они на тот момент уже учились в закрытом частном пансионате, и она скрепя сердце согласилась отдать туда и племянницу. Домой Шарлотта больше не вернулась.

О том, как она жила с матерью и Греггом, Том ничего не знал.

Теперь вы понимаете, почему Шарлотте так хотелось побыстрее «отстроить» дом. Полагаю, что некоторые из вас пойдут в своих рассуждениях дальше и решат, что настойчивое желание матери подвергнуть Дженни лечению было продиктовано ее собственными сексуальными извращениями в прошлом. Но это ошибка. Ту ночь на диване Шарлотта считала актом желания, соблазна и страсти, началом любовного романа. Но при этом понимала, что ее отношения с отчимом «выходили за рамки условностей» и «порицались общественной моралью». Именно по этой причине она не поведала об этом ни одной живой душе, даже мужу.

Но Шарлотта боялась, что свекровь проникнет в другую ее тайну.

Глава шестая

А теперь давайте вернемся к Дженни и к той ночи, когда она сидела на краешке кровати.

Том работал у Боба Салливана. У того было двенадцать автосалонов по всему штату Коннектикут. Стоимость его активов оценивалась в двадцать миллионов долларов. Лицо Боба красовалось на всех рекламных щитах вдоль трассы I-95 от Стэмфорда до Мистика, а заодно в каждом городе, который позволял размещать у себя его рекламу. Вы без труда вспомните его массивную голову и черные волосы, решительные глаза, широкую белозубую улыбку и мясистый нос. Боб Салливан добился всего сам и принадлежал к категории тех, о ком любят писать журналы. Тип настолько взрывной, что казалось удивительным, как он не лопается, подобно пиньяте², и не рассыпает по небосводу конфетти. Жил Боб Салливан в Фейрвью. У него была дородная жена и трое сыновей, призванных впоследствии обеспечить преемственность семейного бизнеса. Сэм всегда ездил на последней модели «БМВ», «Феррари» или «Порше». Придерживался палеодиеты и без удержу пил красное вино. Человек великодушный, но в то же время амбициозный, баллотирующийся в законодательный орган штата.

И при этом он состоял в любовной связи с Шарлоттой Крамер.

Считается, что мы знаем, почему люди становятся любовниками. Кому-то не повезло в браке, но он не может уйти из семьи, не желая бросать детей. Кто-то не может удовлетворить свои сексуальные потребности. Другие становятся жертвами соблазна, а их самоконтроль уступает перед натиском человеческих страстей. К Шарлотте не относилось ни то, ни другое, ни третье.

В миссис Крамер уживались две женщины. Одна была выпускницей Смит-Колледжа, имела диплом филолога, работала заместителем редактора в журнале «Коннектикут», вышла замуж за Тома Крамера, теперь сидела дома с двумя очаровательными детьми, а семьей ей были ученики и учителя. Входила в совет загородного клуба Фейрвью, члены которого славилась безупречными манерами и прекрасным словарным запасом. Свой дом – хороший, высокоморальный и восхитительный – она выстраивала с особой тщательностью.

Другую Шарлотту Крамер, девушку, которая спала с отчимом и которую выгнали из дома, не знал никто. Ни одна живая душа не ведала, что она водила знакомство с полуграмотными алкоголиками, которые едва сводили концы с концами и умирали совсем молодыми. Что почти каждую ночь снимала с себя одежду ради мужчин вдвое старше ее по возрасту, от которых несло табаком и давно не мытым телом. Об этом не знал никто – кроме Боба Салливана. Шарлотта посадила эту девушку в клетку. Но со временем та стала трясти прутья с таким грохотом, что игнорировать ее запросы дальше было просто нельзя. Боб Салливан для Шарлотты стал орудием, позволявшим признать существование этой девушки и спокойно держать ее дальше взаперти. Связь позволила ей сохранить целостность натуры, потому как в обличье почтенной Шарлотты Крамер из Фейрвью она жила только наполовину.

С Бобом я вновь становлюсь той девушкой. Потаскухой, заставляющей меня заниматься самыми грязными делами. Боб хороший человек, но мы оба состоим в браке, и то, что мы делаем, конечно же, плохо. Не знаю, как это объяснить. Я очень упорно трудилась, чтобы вести «правильную» жизнь. Понимаете? Не думать ни о чем плохом и не совершать скверных поступков. Но этот соблазн не отпускает меня никогда. Понимаете, это что-то вроде курильщика в туалете, человека, по большому счету, спокойного, который

² Пиньята – полая игрушка из легкой оберточной бумаги или папье-маше, наполняется различными угощениями или сюрпризами для детей (конфеты, орехи, конфетти и т. д.), разбивается специальной битой во время празднования дня рождения именинником.

скорее умрет, чем признается, что равнодушен к табаку, но при этом все равно будет выкуривать сигарету в день. Одну-единственную. Которой вполне хватит, чтобы утолить жажду. Такой сигаретой для меня стал Боб.

Вы вполне можете осуждать Шарлотту Крамер за эту «сигарету». За то, что у нее есть тайные страсти, которые она не в состоянии контролировать. За то, что она не говорила всю правду. Что не посвятила мужа в подробности своей жизни. Но если вы станете ее судить, я обвиню вас в лицемерии.

Никто, ни одна живая душа не раскрывается до конца перед другим человеком. И если вы думаете, что к вам это не относится, задайтесь следующим вопросом: вы когда-нибудь лукавили, называя приготовленное женой блюдо прекрасным, в то время как на самом деле оно было просто отвратительным? А дочери говорили, что она выглядит отлично в уродливом платье? А занимаясь любовью, издавали охи и вздохи, в то время как мысли ваши блуждали далеко-далеко, составляя список продуктов, которые нужно купить в магазине? А посредственной работой какого-нибудь коллеги восторгались? Утверждали когда-то, что все в порядке, хотя на самом деле все было хуже некуда? Уверен, мы все не без греха. Невинная ложь, наглый обман, маленькая ложь тысячу раз в день – каждый из нас врет в любом месте и в любое время. Все мы от кого-то что-то да скрываем.

От этого вы вполне можете впасть в уныние. Может, даже умолкнете и немного задумаетесь, когда жена скажет, что вы получите повышение по службе или когда муж станет уверять вас, что вы очень понравились членам школьного родительского комитета. Истина заключается в том, что вы никогда не узнаете правды, а если бы даже узнали, то вам, не исключено, пришлось бы прилагать невероятные усилия для того, чтобы сохранить брак. Потому как голой, неприкрытой и всеобъемлющей правды не в состоянии выдержать ни один союз. Ни один. Как только близкие люди признаются в чувствах, которые на самом деле питают друг к другу, будь то в личной беседе или в разговоре с друзьями, не умеющими держать язык за зубами, все, пиши пропало. Разве вы этого не понимаете? Разве не знаете в самых глубинах своей души? Мы любим других за то, что они такие, как есть, а не другие, за то, что они внушают нам именно те, а не иные чувства. Как правило, мы терпим их недостатки и даже никогда не ставим их им в вину. Но стоит нам увидеть в их глазах отражение самих себя, чего, избегая отрицательных эмоций, не желает видеть никто, фундамент любви тут же дает трещину.

У Тома не было никаких шансов. Отражение Шарлотты в его глазах никогда не было достоверным, ведь он знал, что жена открыла ему только одну свою ипостась. Обоих знал лишь Боб Салливан, только он и никто другой.

Днем Шарлотта и Боб встречались в небольшом домике у бассейна на самом краю двора дома Крамеров. К нему вела грязная, почти полностью скрытая деревьями дорожка, которой пользовалась компания, обслуживавшая бассейн. Боб даже зимой мог поставить машину так, чтобы ее не было видно с дороги. Двор огородили забором. Им обоим было что терять.

В тот вечер, когда мать приготовила курицу с розмарином, Дженни ушла к себе, не в состоянии больше оставаться за столом ни минуты, и села на краешек кровати. Она слышала, как мать вышла из дому, чтобы съездить за Лукасом и как они потом вдвоем вернулись. Хотела дожидаться, когда родители отправятся спать, но те завели очередной нескончаемый разговор. Девушка решила воспользоваться запасом таблеток, тайком позаимствованных в ваннах подружек, и выбрала небольшую белую. Такие всегда оказывались либо «Ксанаксом», либо «Лоразепамом», либо «Валиумом». Она таких названий не знала, но я узнал эти препараты по приведенному Дженни описанию – как по внешнему виду, так и по оказываемому ими действию. Двадцать минут спустя девушка уже спала. А на следующее утро отправилась в школу на автобусе. Мать на прощание махнула ей рукой. Первый урок был в

классе, второй в кабинете химии, третий в кабинете истории. После ланча она отправилась домой.

Как я уже говорил, Боб Салливан баллотировался в законодательный орган штата. По этой причине его жена, Фрэн, наняла детектива, чтобы следить за ним и собирать о нем сведения. Я обнаружил, что люди знают, когда что-то идет не так. Даже если интимная составляющая из брака уже исчезла, скрыть другие перемены бывает очень и очень трудно. Счастье, к примеру, очень не любит, когда его прячут в тени. В случае с Бобом жена просто слишком хорошо знала своего мужа.

В тот день, когда Дженни пошла домой, Шарлотта и Боб встретились в домике у бассейна. Он был совсем небольшой – раздевалка размером двенадцать на двенадцать футов с примыкающей к ней ванной. В комнату вела раздвижная дверь с жалюзи, внутри стоял диван, пол был выложен плиткой, на полках лежали полотенца, солнцезащитные кремы, лосьоны и прочие принадлежности для купания. И небольшая, включающаяся от голоса коробочка, которую установил нанятый Фрэн Салливан детектив.

И вот что она записала:

[звук закрывающейся двери и опускаемых жалюзи, слышен игривый женский смех]

«Рррр, иди сюда, сладкий мой».

[поцелуи, прерывистое дыхание]

«Сколько у нас времени?»

«Полчаса, поэтому снимай быстрее с себя одежду и ложись на пол».

[опять смех, вздохи, шорох снимаемой одежды]

«Сегодня тебе нужен мой ротик, да? Хочешь, чтобы я тебя полизал?»

«Да».

[женские вздохи, мужской стон]

«Будь ты моей женой, я бы каждый вечер съедал тебя на ужин».

[возбужденные женские охи]

«Подожди, остановись...» [взволнованный женский голос]

«Что такое?» [встревоженный мужской голос]

«Дверь в ванную... Она закрыта, но под ней... Мне кажется, я вижу полоску света». [женский шепот]

[тихое шуршание, затем становится тихо]

[громкий женский крик]

«Боже праведный! Боже праведный!» [испуганный мужской голос]

[женские крики]

«Ей надо помочь! Моя девочка! Моя маленькая девочка!»

«Она жива? Черт! Вот черт! Возьми полотенце и перевяжи ей запястья!

Да потуже!»

«Моя девочка!»

«Перевязывай! Тяни! Туже! Боже праведный! Здесь столько крови...

Пульс прощупывается! Дженни! Дженни, ты меня слышишь? Дай мне вон те полотенца! Боже мой! Боже праведный! Боже праведный!»

«Дженни!» [отчаянный женский голос]

«Звони 911! Дженни! Дженни, очнись!» [мужской голос]

«Где мой телефон?» [женский голос, шаги]

«На полу! Быстрее!» [мужской голос]

[шаги, женский голос звонит в Службу спасения и называет адрес, в нем пробивается истерика]

«Уходи! Немедленно! Иди!» [женский голос]

«Но я не могу! Боже праведный!»

Рассказ о событиях того дня давался Шарлотте с трудом. Но как-то утром, когда я нашел обходной путь, чтобы преодолеть возведенные баррикады, она собралась с мыслями и поведала мне следующее:

Обнаружив в ванной истекающую кровью Дженни, Боб повел себя как герой. Позвонив в Службу спасения, я сказала ему уйти, но он отказался. Ему было наплевать. В тот момент я увидела в нем мужчину, которого, кроме меня, не видел никто. Что бы там ни говорили о его жадности и прочих пороках, он рискнул всем, чтобы спасти моего ребенка. Боб разорвал пополам полотенце и обернул его вокруг запястья Дженни. Потом велел мне схватить один конец и потянуть на себя. Полотенце было пушистым, и туго его затянуть оказалось очень трудно. Он закричал мне: «Тяни!» Я сделала, как он велел, полотенце, наконец, было затянуто туго, и Боб завязал узел. Ту же операцию мы проделали и со вторым запястьем. Боже мой, мы оба были все в крови. Буквально пропитались ею. Ноги скользили по полу. Когда мы перевязали оба запястья, я позвонила в Службу спасения. Я сказала ему уйти, но он отказался. Я заплакала, нет, ни криков, ни истерики у меня не было, просто из глаз катились слезы, понимаете? Боб тоже плакал. Он переводил взгляд с меня на Дженни с таким видом, будто не знал, что же доставляет ему большую боль. Затем погладил ее по лицу и пристально посмотрел на меня.

«А теперь слушай!» – сказал он. – Она выкарабкается! Слышишь? Обязательно выкарабкается!» До нас донесся вой приближающихся сирен. Я опять заорала, чтобы он ушел. Взмолилась перед ним. Он по-прежнему твердил свое «нет», но потом все же понял. Мне было плевать на его карьеру, жену и репутацию, в тот момент меня волновала лишь собственная семья и Дженни. К моменту приезда полиции его там быть не должно. Он зарыдал сильнее, встал и сделал несколько шагов по окровавленному полу. «Я люблю тебя», – сказал Боб. И ушел.

Дженни и в самом деле выкарабкалась. И вот тогда на сцену вышел я.

Глава седьмая

Меня зовут доктор Алан Форрестер. Я психиатр. На тот случай, если вы не разбираетесь в дипломах специалистов, занимающихся проблемами душевного здоровья, я отношусь к тем, кто заканчивает медицинские вузы. Я доктор медицины, закончил с отличием Университет Джона Хопкинса, а потом прошел интернатуру в Пресвитерианской больнице Нью-Йорка, тесно связанной с Колледжем врачей и хирургов Колумбийского университета и Медицинским колледжем Вейла Корнелла. За двадцать два года практики был удостоен различных наград и знаков отличий, хотя у меня и нет «алтаря» всевозможных сертификатов наподобие тех, которыми наверняка увешаны стены врачей, которых вы посещаете. Кремовая бумага, выписанные каллиграфическим почерком латинские изречения, изящные деревянные рамки – все это напоминает мне трофеи, которые мой сын привозит домой после каждого спортивного сезона. Дешевка, отражающая единственно стремление обеспечить себя пациентами в будущем. Ничто так не привлекает клиентов, как обещание награды. Это не более чем реклама, и тот, кто выставляет подобные вещи напоказ, представляет собой что-то вроде человеческого «билборда».

Моя профессия – это бесконечный вызов. Любые достижения человека, по определению, относятся к прошлому. Вполне возможно, что они никак не будут способствовать лечению следующего пациента, переступившего порог вашего кабинета. Да, опыт действительно помогает нам стать лучше на избранной стезе, и моя профессия в этом отношении тоже не является исключением. Сейчас я, конечно же, намного точнее ставлю диагноз, чем в начале своей карьеры. Но по тому же опыту знаю, что диагноз – не самое трудное. Главная проблема, вечно бросающая врачу вызов, требующая безропотности и мастерства, это лечение – тщательная, сбалансированная, подобранная с умом комбинация медикаментов и психотерапии. Мозг каждого человека уникален и неповторим. Столь же уникальным и неповторимым должно быть и лечение. Я никогда не могу с уверенностью сказать наперед, что этот подход сработает, а вот этот нет. Говоря «сработает», я имею в виду «поможет», ведь цель, к которой мы стремимся, как раз и заключается в том, чтобы помочь человеку справиться с болью, причиняемой ему собственным мозгом.

Можете считать меня хвастуном, но я оказал эффективную помощь всем моим пациентам – всем, кроме одного. Это относится и к частной практике, которой я занимаюсь в Фейрвью, на Черри-стрит, 85, и к школе более суровой закалки – работе в мужской тюрьме Сомерса.

Кроме меня, других практикующих психиатров в Фейврю нет. Доктор Марковиц, назначивший Дженни Крамер лечение, живет в Крэнстоне и частной практикой не занимается. Да, в нашем городе есть немало психологов, психотерапевтов, социальных работников и тому подобных, но ни один из них не вправе выписывать лекарства и не обладает специальными знаниями в области психофармакологии. Это первая причина, по которой Крамеры прибегли к моим услугам.

Вторая – это моя работа в Сомерсе. Раз в неделю я на добровольных началах на целый день (восемь часов, за которые в других обстоятельствах мне заплатили бы четыреста долларов) отправляюсь на север штата лечить преступников, страдающих от психических отклонений. Отбывающих наказание в Северной исправительной колонии Коннектикута. Это тюрьма самого строгого режима, пятого уровня безопасности. Чтобы вы не путались, объясню: те, кто сидит в Сомерсе, осуждены за совершение преступлений к тюремному заключению. Некоторые из них, по случаю, страдают от душевных расстройств. Преступников, признанных невиновными по причине их невменяемости, в тюрьму не отправляют. Им уготован собственный ад – в одной из психиатрических больниц штата. Иногда их после мини-

мального и явно недостаточного лечения отпускают. Ирония заключается в том, что точной корреляции между степенью невменяемости преступника и его умением использовать эту невменяемость в свою защиту попросту не существует. Если человек, во всех остальных отношениях вполне «нормальный», зарежет любовника жены, застукав их на горячем, то это можно считать временным помутнением рассудка и за ним надо признать право на законную защиту. Но вот серийный убийца, а все они, заявляю это со знанием дела, клинические социопаты, рано или поздно неизменно окажется в камере смертников. Да-да, это гораздо сложнее, чем может показаться. Если вы адвокат по уголовному праву, то мои упрощенческие рассуждения, вероятно, заставят вас подпрыгнуть на месте. Но подумайте вот о чем: был ли Чарльз Мэнсон «нормален», когда отдавал членам своей «семьи» приказ совершить семь убийств?³ А со Сьюзен Смит, утопившей своих детей, все было в порядке? Или Берни Мэдофф – не безумен ли он был, когда накопил денег на три жизни, но при этом все равно продолжал строить свою финансовую пирамиду?

Помешательство – это не более чем слово. Преступники, с которыми я имею дело, совершили тяжкие преступления против личности, отклонения в их психике варьируются от депрессий до тяжелых психозов. Я лечу их методом психоанализа, хоть и не в том объеме, который для этого необходим, подкрепляя его медикаментами. Администрация тюрьмы хотела бы, чтобы я всецело отдавал предпочтение лекарственным препаратам. По сути, они, будь у них такая возможность, позволили бы мне закормить психотропными веществами всех своих заключенных. От осужденного, если он пребывает под действием транквилизаторов, проблем не будет. Но это, конечно же, запрещено. В то же время вы вполне можете понять, почему они с таким рвением направляют ко мне каждого, кто вписывается в рамки их критериев. В течение дня заключенные выстраиваются в очередь у двери моего кабинета. Порой эта очередь разрастается, и тогда мне, чтобы принять всех, приходится уделять каждому из них меньше времени. Да, я так и делаю и от этого чувствую на душе тяжесть. По дороге домой перед глазами стоят их лица – и тех, с кем мне так и не удалось поговорить, и тех, кого я принял в спешке, выписав на прощание горсть таблеток. Бухгалтера ежеквартально проверяют расходы на выполнение моих предписаний, но оспаривать их они не могут. Как ни противно проводить дни в обществе тех, кто совершил тяжкие насильственные преступления, моя задача представляется мне жизненно важной. В наших тюрьмах полно людей, страдающих расстройствами психики. Определить, лежали эти нарушения в основе совершенных ими преступлений или же болезнь развилась уже на фоне их пребывания в атмосфере пенитенциарного заведения, очень и очень трудно. Хотя с точки зрения целей, которые преследую я, это не так уж и важно. Для меня главное то, что мышление преступника доступно моему пониманию.

Третья причина, по которой я стал лечить Дженни Крамер, связана с неким молодым человеком по имени Шон Логан. Расскажу об этом в самых общих чертах.

Исполосовав запястья, Дженни ночью пришла в себя. Отец сидел в палате – уснул в кресле. Когда она потом описала мне этот момент, у меня не осталось ни малейших сомнений, что она действительно хотела покончить с собой.

Мои глаза вдруг открылись, и я вновь увидела перед собой бледно-голубую занавеску. Она держалась на металлических кольцах, скользивших по металлической трубке вдоль стены палаты интенсивной терапии. Они положили меня в ту же палату, что и в ту ночь, когда назначили лечение. В ночь, когда меня изнасиловали. Ненавижу это слово. Мне говорят, что я должна произносить его вслух и вообще думать о случившемся, потому как это

³ Чарльз Мэнсон (род. в 1934 году) – христианский серийный убийца, лидер коммуны «Семья», члены которой в 1969 году совершили ряд убийств.

якобы поможет смириться с тем, что произошло, и тогда мне станет легче. Но прогнозы врачей не сбылись, да?

Дженни подняла перевязанные руки.

Не знаю, чем они меня там пичкали, но я никак не могла стряхнуть с себя оцепенение и пребывала в какой-то эйфории.

– Ощущение было сродни тому, которое ты испытывала, когда принимала таблетки, найденные в домах подруг? – спросил я.

Ага. Затем на меня навалилось все и сразу. Будто лавина. Я умерла. Я живу. Прошедший год существовал только в моем воображении, и сегодня ночь, когда меня изнасиловали. Я почувствовала облегчение от того, что весь этого год оказался всего лишь дурным сном. Но потом накатил ужас, что все придется пережить еще раз. А затем во всех своих очертаниях проступила реальность – я порезала себе вены. Потом в голове закружились другие мысли. Поначалу повторился шок, через который я прошла, когда полосовала вены, а потом пришло облегчение от того, что ничего не получилось, потому как я, вероятно, сошла с ума, если пожелала такое с собой сотворить. Но вслед за этим в памяти всплыл мотив, заставивший меня это сделать, и мне стало ясно, что никакая я не сумасшедшая. У меня были причины, самые что ни на есть весомые, и сейчас они тоже никуда не делись. Меня переполняла мерзость, которую я последнее время ощущала каждый день. Ощущение было такое, будто я отталкиваюсь от дна бассейна, всплываю и оказываюсь в том же самом месте, где была перед тем, как нырнуть. Понимаете? Я оказалась в том же месте, что и раньше. Попыталась прижать руки к животу, как всегда, когда думала о той мерзости, которую ощущала внутри, но запястья были привязаны к кровати. И в тот момент поняла, как же меня взбесило то, что я не довела начатое до конца.

В этот момент Дженни заплакала. Уже не впервые. Но на этот раз это были слезы ярости.

Знаете, мне было трудно. Я сидела в ванной и все плакала и плакала. В основном думала о Лукасе, об отце и о том, как все это на них отразится. О маме тоже, но она сильнее их. Мне казалось, что мой поступок приведет ее в бешенство. Я уже почти передумала, но потом сказала себе: просто сделай – и все будет кончено! Лезвие действительно было острым, и мне было больнее, чем я думала. Самое мучительное было не когда я резала, а когда в вены проник воздух. Ощущение страшной язвы или ожога. Я перерезала вены на обоих запястьях. Вы даже не представляете как это тяжело. Поранить одну руку, но потом повторить то же самое с другой, зная, как тебе будет больно. Говорят, что смотреть на кровь нельзя, потому что в этом случае человек инстинктивно пытается себя спасти. Но не смотреть я не могла. Это оказалось правдой. Сердце выпрыгивало из груди, и в голове заходил криком голос: «Остановись! Остановись!» Я осмотрелась вокруг в поисках чего-то такого, чем можно было бы перевязать руки, но перед тем, как приступить к осуществлению задуманного, я убрала из ванной все. Я ведь знала, что попытаюсь остановиться на полпути, что предприму что-то подобное. И мне пришлось с этим упорно бороться. Вы понятия не имеете, насколько это было трудно. Я была вынуждена закрыть глаза и сосредоточиться на смутном чувстве, которое воспринималось чем-то вроде радости. Мне казалось, что я попросту все от себя отпускаю. Я так и сделала – закрыла глаза, позабыла о мучительной боли и перестала замечать обращенные ко мне крики. Просто все от себя отпустила. Да, я все это проделала, прошла через мучения, но все равно ничего не добилась.

– Ты злишься? – спросил я ее.

Дженни кивнула, из глаз ее брызнули слезы и покатались по щекам.

– На кого?

Чтобы ответить, ей потребовалось некоторое время. А заговорив, она не стала называть имя, а лишь намеком обозначила предмет своего гнева. *Что она там делала? Та ванная – последнее место, где она могла оказаться. Бассейн еще даже не функционировал. А на земле кое-где белели островки снега. Как ее, в конце концов, туда занесло?*

Дженни ничего этого не сказала, когда открыла глаза и увидела отца. Предпочла оставить эмоции при себе. Однако Том Крамер был достаточно восприимчивым человеком, чтобы заполнить своими чувствами всю больницу. Он склонился над кроватью.

Слава Богу! Я повторял это вновь и вновь. Попытался обнять дочь, но она была такая хрупкая, запястья ее туго перехватывал толстый слой бинтов, к тому же ее привязали к кровати. Я прижался к Дженни щекой, ощутил запах ее волос и кожи. Увидеть, что она пришла в себя, мне было мало. Нужно было еще чувствовать ее, вдыхать ее аромат... Боже праведный, какое бледное у нее было лицо. Совсем не такое, как в ту ночь, когда на нее напали. Тогда она выглядела безжизненной. А сейчас, утром, когда за окнами едва занимался рассвет, – мертвой. Я никогда не думал, что между двумя этими понятиями может быть разница. Но она есть. Она существует на самом деле. Открытые глаза Дженни смотрели на меня и на потолок. Но рядом со мной ее не было. Моя милая дочь витала где-то далеко-далеко. В палату вошел доктор Бейрд, его сопровождал доктор Марковиц. Вновь оказаться в больнице вместе с двумя этими врачами для меня казалось фантастикой. Незадолго до этого я стал принимать на веру слова жены, утверждавшей, что Дженни идет на поправку. Что она выздоровеет и этот мрачный период нашей жизни наконец закончится. Должно быть, я действительно ей поверил. Размышляя об этом сейчас, я понимаю, что надо было не отбрасывать сомнения, а примерять их на себя. Будто я, единственный в семье, не сумел справиться с бедой. Будто проецировал на дочь собственное отчаяние, в то время как на самом деле с ней все было в порядке. Я один никак не мог смириться с тем, что этого монстра так и не найдут. Боже мой, не могу поверить, что вот-вот произнесу это вслух. Мне даже кажется, что я страшно злился на Дженни за то, что она ничего не помнила. За то, что не могла помочь полиции найти его и наказать за то, что он сделал. Может, это безумие, когда человека неотступно преследует мысль о мести?

– Нет, – заверил я его. – Вы ее отец. Это инстинкт.

Я сознательно произнес эти слова, чтобы немного облегчить с недавнее его чувство вины, пусть даже рискуя поощрить его на поиски насильника Дженни. Сейчас я немного жалею, что не отговорил его слепо следовать инстинктам. Инстинкт может объяснить ту или иную реакцию, но это еще не означает, что эта реакция является лучшим образом действия. Как бы там ни было, Тому стало легче.

Все правильно! Я будто помогал самому себе! Целыми днями смотрел по телевизору новости. То CNN, то CNBC, то Fox. Все надеялся услышать еще об одном аналогичном нападении. Искал в Гугле. Представляете? Часть моего естества хотела, чтобы это чудовище изнасиловало кого-то еще и у полиции появился бы шанс его найти. Я ужасный человек. Но мне на это наплевать, понимаете? И не зазорно признаться в этом другому человеку. Делайте что хотите, посылайте меня прямо в ад. Отправляйте в тюрьму. Куда угодно. Вновь оказаться в больнице с дочерью и теми же самыми докторами! В этой долбаной палате интенсивной терапии! Да пошла она, эта жизнь! А я вместе с ней. Я должен был знать, что с ней что-то не так. Боже правый, кому же еще знать, как не мне, ее отцу. Но после потрясения, которое я испытал в больнице, теперь мне известно, что я просто позволил себе поверить, что все хорошо.

Том решил противиться воле жены, хотя в тот день мне об этом не сказал, а признался лишь несколько недель спустя. Так образовалась первая трещина. Их семья, их брак стали распадаться. И так уж случилось, что в то утро, когда Дженни вскрыла себе вены, Шарлотта вновь совершила мерзкий поступок – по отношению как к Дженни, так и к ее отцу.

Для меня это не стало неожиданностью. Но искусство лечения в том и заключается, чтобы дать пациенту возможность сделать собственные выводы. Именно так, врач должен проявлять терпение, чтобы с одной стороны подпитывать этот процесс, но с другой – не вмешиваться в него. Как просто было бы мне подвести Тома к выводу о том, что он злился на жену за то, что ей удалось убедить его в скором выздоровлении Дженни. Всего-то парочка оброненных к месту слов. Фраза здесь, предложение там. Упоминание о фактах, свидетельствовавших против его супруги. В конце концов, именно Шарлотта настояла, чтобы Дженни подвергли этому лечению. Она же решила отказаться от дальнейшего лечения и пожить какое-то время на Блок-Айленде, в относительной изоляции. А также утверждала, что все нормально, несмотря на то, что Дженни напрочь утратила интерес к жизни. Делала мужу замечания каждый раз, когда он переводил разговор на тему изнасилования дочери. Ничего такого я не сказал. И соблюдал величайшую осторожность. Врач обладает огромной силой внушения. Огромной.

Не буду говорить о том, насколько оправданы были чувства Тома. Чувства не нуждаются в оправдании. С одной стороны, Шарлотта была непреклонна в своей версии истины. Воспоминания об изнасиловании были стерты из памяти дочери, следовательно, его попросту не было. Сейчас вполне очевидно, что она ошиблась, хотя руководствовалась лучшими намерениями. Впрочем, совсем уж обманывать себя женщина тоже не собиралась. Доктор Марковиц назначил лекарства, и память Дженни претерпела изменения. Она не помнила об изнасиловании ровным счетом ничего. Шарлотту нельзя винить в том, что она не понимала механизмов ни человеческого мышления, ни разрушительных побочных эффектов лечения, которые только-только начали о себе заявлять. И это возвращает нас к Шону Логану.

Глава восьмая

Шон Логан служил в подразделении «Морские котики». Он вырос неподалеку от Нью-Лондона, того самого города, в котором жила Шарлотта Крамер. Отец его служил на флоте, а дед умер заслуженным моряком, удостоенным целого ряда наград. У Шона было шесть братьев и сестер, трое старших и трое младших, поэтому он как средний чувствовал себя в семье потерянным. Внешне он был красавцем. Мне нет никакого дела до того, мужчина вы или женщина, традиционная у вас ориентация или же вас, скорее, следует отнести к категории гомосексуалистов, а заодно и сколько вам лет. Вы никогда не смогли бы взглянуть на Шона Логана, не поразившись его физической красоте. В нем привлекало не что-то одно — ясные голубые глаза, густые темные волосы, мужественные очертания скул и бровей. Взятые вместе, его черты создавали поистине идеальный профиль. Но на этом холсте неизменно отражались те или иные эмоции. Шон не умел их скрывать. Его радость не знала границ, ничего подобного ей я потом не видел еще много лет. Его чувство юмора, весьма своеобразное, легко передавалось другим. Он смешил меня больше любого другого пациента, обращавшегося ко мне за помощью, и это при том, что я прилагал немалые усилия, чтобы сохранять стойкость. Смех вырывался из моего горла, будто лава из жерла вулкана. Любовь его была глубокой и чистой, а боль отравляла собой все вокруг.

В колледж Шон не пошел, хотя и выиграл грант на обучение в Брауновском университете. Он был парень на редкость энергичный, проворный и упорный. Но при этом не мог держать все в себе. Каждого из нас, или по меньшей мере большинство, время от времени переполняют чувства. Вспомните момент, когда вы впервые в жизни влюбились. Или когда увидели своего новорожденного ребенка. Вероятно, в душе вашей шевельнулся страх, когда в самый последний момент удалось избежать аварии или вас охватила безудержная ярость, когда кто-то умышленно причинил вам или вашей семье вред. Вы можете целыми днями ничего не есть, не спать по ночам, не контролировать свои мысли, которые неизменно будут возвращаться к тому источнику, который нарушил привычное течение вашей жизни. Если этот источник относится к категории положительных, например как «влюбленность», человеку может казаться, что он счастлив. Но это не счастье. Страх от того, что мы не знаем, как вписать эту новую ситуацию в повседневную жизнь, а заодно и какого от нее ждать развития, обуславливает некий сбой. Мозг переходит в режим настройки, пытаясь приспособиться к подобным переменам в эмоциональном состоянии. Что же до истинного счастья, то о нем можно говорить, только когда отношения устоялись и приобрели стабильный характер. Когда вы ночью спите рядом с новой возлюбленной и знаете, что она никуда не денется.

А теперь представьте, что после вышеупомянутого сбоя это новое состояние покоя не приходит и вместо него вы продолжаете и дальше испытывать все то же сильное чувство. Его отнюдь нельзя назвать безобидным, наоборот, оно, скорее, довольно мучительно.

В своей практике мы, психиатры, определяем подобное состояние как тревогу в той или иной форме. Иногда оно переходит в обсессивно-компульсивное расстройство. В других случаях мы классифицируем его как общее тревожное расстройство.

Подобно другим психическим нарушениям, различные типы тревожных расстройств в значительной степени похожи друг на друга. Для каждого из них должно быть свое название, чтобы мы могли понимать, о чем идет речь, ведь в нашем случае диагностика отличается от определения физических недугов, таких как грипп. Психиатр не разглядывает в микроскоп паразитов. Все, что есть в нашем распоряжении, это наблюдения и, надеюсь, грамотные выводы.

У меня было немало пациентов, подобных Шону, но его случай все же исключительный. Подобрать им правильное медикаментозное лечение непросто. Я могу сделать так,

чтобы они спустились с небес на землю, но тогда они в этом состоянии и останутся. Если большинство из нас, проходя через подобные возвышенные чувства, рано или поздно возвращаются к привычному образу жизни, то перед такими пациентами всегда стоит выбор. На мой взгляд, их состояние чем-то сродни пагубной зависимости, и выбор в данном случае сводится к тому, хочет ли такой человек вернуться в норму или нет. К чему он больше стремится – к размеренной жизни или же к постоянному возбуждению и эйфории? Лично я, конечно же, выбрал бы первое.

С Шоном я познакомился после того, как он поступил на службу во флот. Тогда ему было всего семнадцать лет, и он, по его собственному выражению, «не переставал радоваться и удивляться жизни». Без конца менял подружек, пил, принимал наркотики, причем еще в школе. Его матери все это до смерти надоело. Двое старших детей вернулись домой – один закончил колледж, второй бросил учебу. Трое младших по-прежнему в чем-то нуждались – их нужно было кормить, гулять с ними, стирать рубашки. Самая старшая сестра в двадцать три года забеременела и стала матерью-одиночкой. А теперь иногда оставляла ребенка матери, чтобы отправиться в офис, где она работала менеджером. Здесь я хочу донести до вас мысль о том, что сам Шон не знал, как справиться со своими проблемами, а никто другой взваливать их на свои плечи не хотел. Поэтому по окончании школы он добровольно пошел служить на флот.

Жизнь военного для Шона стала неплохим вариантом. Требования к физической форме, постоянные тренировки и нагрузки на организм представляли собой своеобразное средство от тревоги. Эндорфины и адреналин, вырабатываемые в результате аэробных упражнений, представляют собой химические соединения, улучшающие самочувствие. Это объяснение представляется самым простым. Человеку, пребывающему в состоянии тревоги, существенные физические нагрузки могут принести значительное облегчение. Шон стал одним из лучших и прошел подготовку всего за полтора года. В восемнадцать лет отправился в Ирак и вернулся домой сразу после того, как отпраздновал девятнадцатый день рождения. Родители гордились им, братьев и сестер раздирали два противоречивых чувства – восхищение и зависть. Но в отсутствие образа жизни, ставшего для него привычным, и природного наркотика, вырабатываемого чувством постоянной опасности, на Шона вновь навалилась тревога.

Док, вы когда-нибудь пробовали кокаин? – Он спросил меня об этом, заранее зная ответ. Это Шон так шутил. – *Что-то вы разволновались.*

Я и сейчас вижу, как он сидит на диване у меня в кабинете, широко расставив ноги и сжав в кулаки руки. Его пробивает дрожь.

Да, все выглядит именно так. Будто какая-то часть вашего тела должна обязательно двигаться, чтобы избавиться от нервного напряжения. Вы не можете спать. Не испытываете голода. И можете часами нести всякую чушь.

– Звучит невесело, – сказал я.

Шон засмеялся.

Знаю, док, знаю. Чашечка чая и хорошая книга. Но не всем дано быть святыми.

– Когда вы принимали кокаин?

Ха! Во всяком случае, не в десятом классе. Я лишь хочу сказать, что все это время чувствовал себя будто после кокаина. Понимаете, проведя в пустыне столько времени, я уже забыл о своих былых ощущениях. Спал там как младенец. И никогда не интересовался, что происходит у меня внутри.

– А как вы себя чувствовали, когда возвращались домой в прошлые разы, до последнего задания?

Хреново, старина, на редкость хреново. Казалось, что я мечусь в клетке, будто дикий зверь в зоопарке. Я просыпался и на короткое время испытывал в душе покой. Но потом

в меня вновь заползала тревога, и через какое-то время внутренности чуть не лопались от желчи. Тогда я прыгивал с кровати, убегал к чертовой матери из дому и бежал до тех пор, пока хватало дыхания. Потом возвращался, целовал маму в щечку, хватал банку пива, спускался в подвал и до дрожи в мышцах таскал тяжести. Пару часов после этого чувствовал себя хорошо. Остальную часть дня проводил за выпивкой. А к травке больше не прикасался. Рисковать не хотелось, понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.